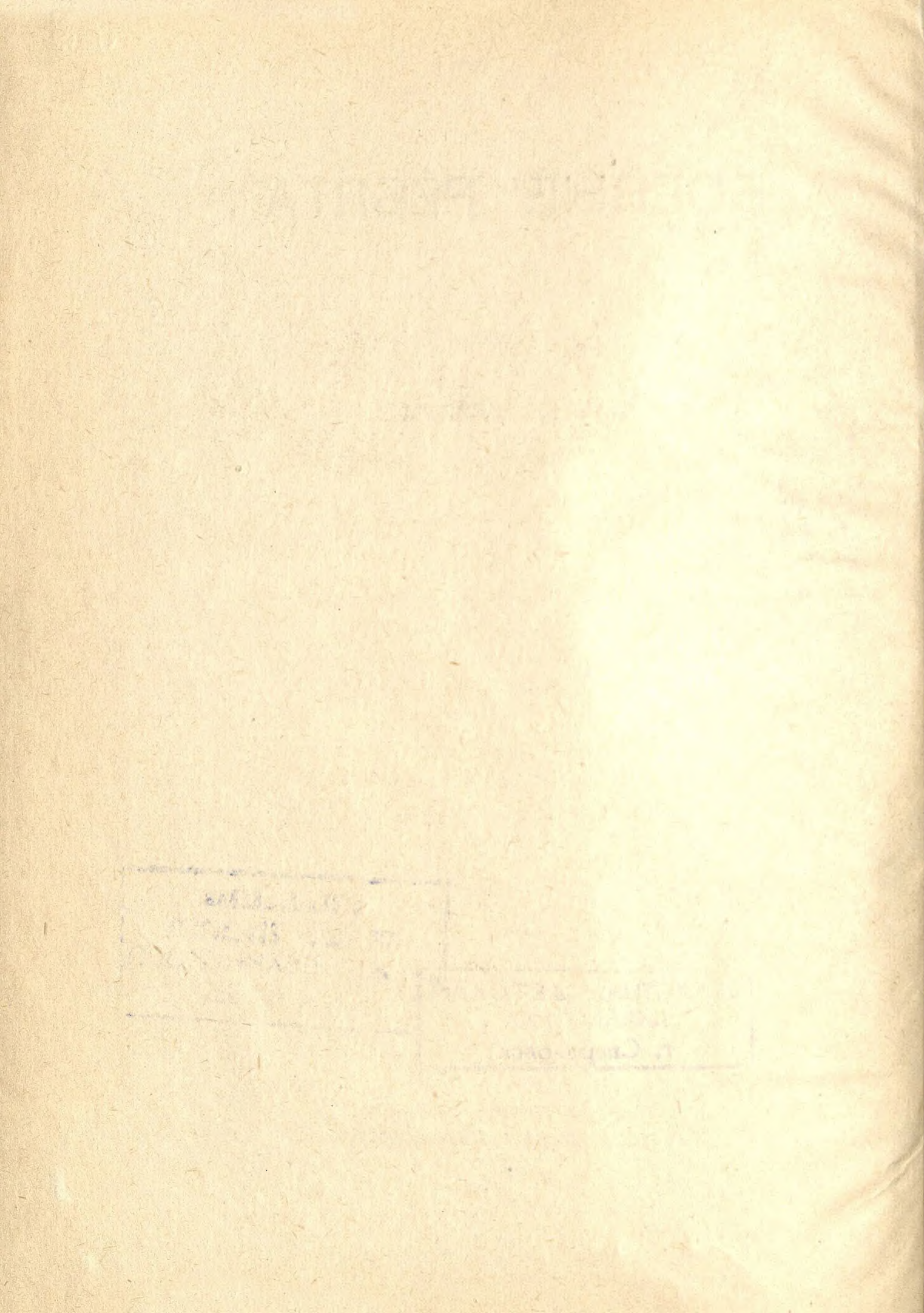
Боевые ребята

В МАЕ

Е. Трутнева

Рисунки Л. Эппле

В липах, как в шатре зеленом,
Против нашего крыльца,
На скворечнике с балконом
Громко свищут два скворца.

А скворец такая птица,—
Каждый мастер подразниться:
По-сорочьи застрекочет,
Замяукает котом.

Может, он меня захочет
Передразнивать потом,
И знакомое словечко
Вдруг услышу я с крылечка?

Под кустами, по дорожкам
Вечер ходит за окошком...
У черемух, будто снегом,
Землю кроют лепестки.

И гудят перед ночлегом
В липах майские жуки.
Раздувает хвост вороне
На дороге ветерок...

Хорошо на стадионе
Провести бы вечерок!
Не жалея бы ладошек,
Хлопать каждому мячу.

Нет, я даже из окошек
Видеть улиц не хочу!
Не гоняюсь за жуком
С новым марлевым сачком.

И не слушаю с крыльца,
Что мне скажут два скворца.
Всю весну, почти что с марта,
Я за книжкой день-деньской.

То грамматика, то карта,
То задачник под рукой.
В школу, поутру шагая,
На экзамен я иду.

Что ни день — экзамен в мае:
Хорошо, что раз в году!
Чтоб гулять потом все лето,—
Потрудиться надо мне.

А хорошие ответы —
Это рапорт мой стране!

А. Кузнецова *Рисунки Ю. Соколова*

За все, что завещал нам Ленин,
За жизнь и счастие страны,
Ни сил, ни жизни не жалея,
Мы шли дорогами войны.

Кремлевских звезд родное пламя
Нам озаряло путь вперед.
Мы шли и знали — Сталин с нами.
К победе Сталин нас ведет.

Мы шли и знали — Сталин с нами!
Разбит, разгромлен будет враг.
И под чужими небесами
Взовьется наш победный флаг.

Взвился победный флаг в Берлине,
Покой и мир в стране родной.
Мы этот мир храним отныне —
Мы бережем страны покой.

Живи в довольстве и покое,
Цвети, Советская страна.
Хранима армией родною,
Народной дружбою сильна...

Ни сил, ни жизни не жалея,
Мы шли дорогами войны.
За все, что завещал нам Ленин,
За жизнь и счастие страны.

ПАРАД В МОСКВЕ

Четко шагают войска на парад.
Блещет оружье под солнцем лучистым.
Родине слава! — поют рупора.
Родине слава — вещают горнисты.

Танки грохочут лавиной стальной —
В прорезях башен орудья застыли.
В гуле моторов ведут над Москвой
Соколы наши свои эскадрильи.

Гордо гремит орудийный салют,
Гордо победные реют знамена.
К центру столицы — к родному Кремлю
Мощным потоком стремятся колонны.

Красная площадь встречает парад.
Сталин глядит на идущих с трибуны.
Славя вождя, громовое «ура»
К небу взлетает ликующе-бурно.

Гордо гремит орудийный салют,
Гордо победные реют знамена.
К центру столицы — к родному Кремлю
Мощным потоком стремятся колонны.

ГОЛУБАЯ ЛОДКА

Ол. Коряков *Рисунки Ю. Соколова*

Все началось с того, что мы решили стать индейцами. Нет, даже не с этого началось, а с того, что мы поссорились с Витей. Мы — это я и Коля Борушкин. Такой, знаете, длинный, худой и всегда немножечко лохматый. А Витя — это Витя Пряхин, наш одноклассник. Он у нас отличник и много читает. А еще он здорово играет в городки и плавает лучше всех в квартале.

Все мы трое живем в одном дворе большого дома на берегу Исети. Мы вместе учимся и вместе играем. А вот недавно поссорились. Виноват тут Витя. И, пожалуй, Коля. Ну, и я немножко. В общем, все виноваты.

А получилось это так. Мы строили лодку. Настоящую большую лодку. Досок нам управдом Марья Ивановна дала... Вот, между прочим, интересно: управдом — слово мужского рода, он, а Марья Ивановна — она, женского рода. Как сказать правильно: управдом Марья Ивановна дала или управдом Марья Ивановна дал? А? Ну, ладно, об этом не сейчас.

Значит, мы строили. И все шло хорошо до тех пор, пока мы не заговорили о названии лодки.

Витя предложил назвать ее «Дианой». Он стихи сочиняет, мифологией интересуется — вот и мудрит. А Коля Борушкин сказал, что мы должны дать лодке имя «Смелый». А я сказал: «Дружба». А Витя говорит:

— Ничего вы не понимаете...

Ну, мы и поспорили. Витя — за «Диану», Коля — за «Смелого», а я — за «Дружбу». Потом мы с Колей согласились на названии «Дружба смелых», а Витя — все свое твердит.

— Это,— говорит,— для лодки не подходит.

Коля горячий, он вскипел:

— Ну, и не нужно! Не хочешь «Дружбу смелых» — живи один, без дружбы.

А Витя ему:

— Ну, и начихать на вас!

А еще поэт! — так выражается. Безобразие. Я говорю:

— Отдавай лодку нам, нас больше. Мы двое, а ты один.

А он мне кукиш показал.

— Гвозди,— говорит,— мои, а не ваши. И рубанок мой был.

Ух, и рассердились мы! Плюнули и ушли. Сказали, что и без него проживем, а только он потом плакать будет, и мы ему войну объявляем.

И решили мы с Колей стать индейцами. Не настоящими, конечно, как у Фенимора Купера, например, а так, временно, как бы нарочно. С того дня я стал называться Нави-Зоркий Глаз (Нави — это Иван наоборот, а Зоркий Глаз — потому, что я очень хорошо вижу, даже в темноте). А Коля стал называться Ялок-Быстрая Нога. А девизом нашего индейского племени стали слова «Дружба и смелость».

Так мы сделались индейцами.

Сначала мы хотели совершить нападение на Витину «судоверфь» и разрушить его лодку. Но потом решили: нет, пусть он свою «Диану» достраивает, а мы построим свою индейскую пирогу. И еще лучше, чем у него. Пусть не задается! Вот тогда и начнется настоящая война. Будет дело на реке Исети!..

Пошли к управдому Марье Ивановне еще досок просить. Она сделала сердитое лицо и браниться стала. А мы же знаем, что она добрая и все равно даст. Поговорила, а потом разрешила:

— Что уж с вами сделаешь,— сказала она.— Берите, только аккуратнее их режьте.

— О-о! — хором сказали мы с Колей,— мы будем очень аккуратно.

— Ну, то-то же.— И она заулыбалась.— А я вам кое-что еще припасу. Сюрприз сделаю, если баловать не станете.

— Не будем,— дружно заверили мы ее.

— Что такое она обещала нам припасти? Какой-то сюрприз. Вот бы узнать, какой? — задумался Коля, когда Марья Ивановна ушла.

А я откуда мог знать, какой.

Но раздумывать об этом было некогда. Мы принялись за дело. Нам хотелось свою пирогу спустить на воду раньше «Дианы». Нужно было торопиться.

Мы строили лодку, но не забывали, конечно, о том, что мы индейцы и ведем войну с враждебным племенем Витепряхов (так мы назвали Витю).

Мы обозначили камнями границы нашей территории и подбросили Витепряху письмо, в котором запретили ему переступать эти границы. Иначе,— написали мы,— «скальпируем». Но Марья Ивановна, как увидела разложенные по двору булыжники, назвала нас бездельниками и велела камни убрать. Ведь и настоящие индейцы подчиняются приказам старших. Пришлось убрать.

Зато как-то вечером мы подкрались к витепряховской «Диане» и нашли в ней забытый рубанок. Это был хороший трофей. На следующий день мы надели военные костюмы — трусы и головной убор из перьев — и отправились для переговоров с враждебным племенем. Долго бились. Будто дипломаты. И нам удалось получить за рубанок выкуп — пятьдесят гвоздей.

Три дня мы ждали ответного налета Витепряхов на наши владения. Но его не последовало.

Вообще, Витя вел себя совсем не по-индейски. Ему, наверно, хотелось помириться с нами. Одному-то ведь совсем невесело.

Однажды наш главный разведчик — младший братишка Коли — по секрету сообщил, что у Вити приготовлена банка голубой краски. Этой краской он собирался покрыть свою лодку. Наша работа уже подходила к концу. Вечером мы с Колей собрались под кустом сирени на военный совет.

— Голубая краска! Ты понимаешь, Нави-Зоркий Глаз? — сказал Коля.

— Еще бы, Ялок-Быстрая Нога! Это как раз то, о чем мечтает наше племя,— ответил я.

У нас тоже была приготовлена краска. Только не голубая, а желтая. Какой полы мажут. Но вот если завладеть голубой! Здорово бы получилось. Мы подумали и решили банку с краской у племени Витепряхов похитить. Во-первых, это должно внести растерянность и уныние во вражеские ряды. Во-вторых, это задержит спуск «Дианы» на воду. В-третьих, наша пирога будет голубой. В-четвертых... В общем, все получится здорово.

Два дня нам пришлось следить за Витепряхом, чтобы узнать, где у него хранится краска. В субботу после обеда Витя вынес из дома какой-то длинный предмет, обернутый бумагой. Он покрутился около своей лодки — она уже была готова — и направился к дровяному сарайчику. Я заметил (недаром меня звали Нави-Зоркий Глаз), что из бумаги

торчит черенок малярной кисти. Витя зашел в сарайчик, залез на толстое полено и положил кисть на полку, что над дверью.

— Понял? — подмигнул я Быстрой Ноге.— Где лежит стрела, там находится и лук. Где кисть — там и краска. Так говорит мудрость.

Ялок-Быстрая Нога молча и важно кивнул головой. Потом он положил руку на мое плечо и сказал:

— Сегодня ночью, когда в окнах потухнет свет, мы похитим ее.

Теперь я молча кивнул головой.

Вечером мы забили последние гвозди в нашу лодку.

Когда пришла пора ложиться спать, я уселся за стол и взял в руки книгу. Но отец велел лечь в постель. Я лег и притворился спящим. А когда все уснули, я потихоньку выбрался из-под одеяла, оделся и бесшумно вышел из квартиры.

Во дворе было темно. Я подкрался к кусту сирени и прошептал:

— Дружба...

— И смелость,— отозвался мне голос Ялока-Быстрой Ноги.

Потом он прибавил:

— А я уж думал: ты не придешь, испугался.

— Нави не знает страха,— гордо сказал я, хотя чувствовал себя не совсем в своей тарелке.

— Ну, идем? — спросил Коля.

— Идем, конечно. Только, знаешь... Как ты думаешь, хорошо ли мы делаем? Ведь это похоже на воровство.

— Я же говорю: испугался,— презрительно процедил сквозь зубы Быстрая Нога, но вдруг изменил тон: — Знаешь, что мы сделаем? Мы завтра ему свою краску отдадим. Ладно?

Мы подобрались к сарайчику и тихонько приоткрыли дверь. На дворе было темно, а в сарайчике еще темнее.

— Ну! — подзадорил меня Коля.

Я нащупал в темноте толстое полено, с помощью Коли взобрался на него и стал шарить по полке... Вот что-то завернутое в бумагу. Твердое и длинное. Это, конечно, кисть Вот какая-то банка. Тяжелая. Краска?

— Есть, готово,— шепнул я и, чуть не упав, спрыгнул с полена.

Добычу мы решили унести домой. Коля взял кисть, а я — банку с краской.

Утром я встал поздно. Прежде всего я побежал на кухню, где ночью спрятал за шкаф банку. Она была на месте. И в ней шикарная голубая краска. «Эх,— подумал я,— и красота же будет, когда лодку покрасим».

Я наскоро умылся, позавтракал, схватил банку и побежал с ней на двор. Только я выскочил за дверь — сразу заметил что-то неладное. Мне бросилось в глаза яркое голубое пятно. Это была лодка Вити... Что такое?.. Я даже похлопал ресницами. Нет, мне не показалось. Верно, Витина лодка почти вся уже была выкрашена в голубой цвет. Сам Витя стоял около нее с кистью в руках, а рядом — Марья Ивановна. Она громко бранила его за что-то. У Вити лицо было красное и обиженное, он оправдывался.

В это время ко мне подошел Коля.

— Слушай, Ваня,— сказал он,— мы с тобой промахнулись... Ночью мы вместо Витькиной вытащили краску Марьи Ивановны. А теперь она — ты понимаешь? — обвиняет его, будто он украл.

— Стой, стой... Как это?.. У нее там, в сарайчике, была такая же краска? — начал догадываться я.

— Ну, да! А его краски там и не было вовсе, он ее дома хранил. И кисть — это вовсе не кисть, это — вымпел, флажок такой для лодки. Я дома развернул и увидел.

— Ага! — смекнул я.— А теперь Марья Ивановна решила, что краску утащил Витя?

— Вот именно!

— Ну, дела! — вздохнул я и закусил губу.

Мы переглянулись. Что же делать? Пойти сознаться — стыдно. И попадет нам. Не сознаться нельзя: позор останется на Вите, а он же не виноват, ведь не он утащил краску — мы...

— Знаешь что,— предложил Коля,— пойдем и скажем, что мы эту краску... ну... временно спрятали, понарошке, а?

— Нет. Нехорошо.

Как же быть?

В это время Марья Ивановна заметила нас и закричала:

— Ну-ка, ребята, подите сюда!

Делать было нечего, пришлось подойти. Витя стоял сердитый и обиженный. В глазах слезы блестят.

— Вот, полюбуйтесь на него,— сказала Марья Ивановна.— А еще красный галстук носит! Знаете, что он сотворил?

Тут Витя взглянул на нас, заметил банку, которую мы прятали за спиной, глаза его расширились, он на меня посмотрел, на Колю, опять на банку — и все понял.

Я даже съежился: сейчас скажет.

Но Витя ничего не сказал. Он вдруг молча повернулся и убежал.

«Вот так штука»,— подумал я. Мне стало очень совестно перед Витей. Я шагнул вперед и сказал:

— Марья Ивановна...

— Что? — обернулась она.

— Это... мы,— угрюмо сказал Коля.

И мы рассказали ей все-все.

Она, ясно, разгорячилась, накричала на нас, а потом остыла и говорит:

— Глупые вы, право. Ведь краску-то эту я для вас же хранила. Помните, когда доски давала, обещала сюрприз для вас приготовить? Вот — краску. Сегодня и подарить хотела. Ну, а раз вы так,— давайте ее сюда.

— Марь Иванна! — взмолились мы.

— И не просите,— отрезала она.— Не заслужили.

Пришлось отдать.

Обидно стало и грустно. Начали мы малевать свою пирогу желтой краской. Правда, уж если на-чистоту, так было приятно, что мы не струсили и сказали правду. Но мечта о голубой лодке крахнула.

Мы молчали. Я все о Вите думал. А потом поделился с Колей.

— А Витепрях,— сказал я,— все же хороший парень. Ведь он мог

выдать нас, когда заметил банку. И этим бы сам оправдался. А он — ни слова.

— Ну, и что?

— Давай помиримся с ним.

— Давай. Только если он первый придет.

— Но ведь мы ушли от него, значит, мы и вернуться должны.

— И еще извинения попросить? Да? Эх, ты! Запомни: индейцы не просят мира. Они дают мир. Понял?

Ух, и гордяк этот Коля Борушкин!

Но я не отступал. Я стал убеждать его и, в конце концов, добился своего. Мы пошли к Вите. Только — зря пошли.

Он, как увидел нас, усмехнулся и говорит:

— А, жулики пришли.

Коля сразу ощетинился:

— Ты поосторожнее,— зашипел он и сразу кулаки сжал,— а то вот...

— Что?

— А то!

— Подождите вы,— вмешался я.— Мы ведь мириться пришли.

— Не буду я с ним мириться! Что он «жуликом» ругается?! — заявил Коля и отвернулся.

— Да подожди ты! — рассердился я.— Ты, Витя, не обращай на него внимания. Это он так. Мы завтра на лодке собираемся. Поедем вместе, а?

— Нет, уж я лучше без вас.

— А у нас лук есть и стрелы...

— Подумаешь! У меня парус будет из брезента. И папа мне карту дал. Настоящую. Я по ней поеду.

— А на реке по карте и не ездят вовсе,— вмешался Коля.

— А я поеду.

— А мы тебя поймаем и лодку твою перевернем.

— Ох, как испугал!

— А вот попомни.

— А не перевернете!..

Ничего из мира не получилось. Остались мы врагами. Даже еще хуже.

Вечером мы спустили лодку на воду и попробовали кататься на ней. Шла она хорошо, только в двух местах протекала вода. Мы законопатили щели и залили их смолой. После этого собрали вещи. Прежде всего, мы приготовили свой боевой лук и стрелы. Лук был сделан из вереска, а на стрелы надеты жестяные наконечники.

Кроме того, мы взяли котелок, кинжал, то-есть кухонный нож, спички, соль, картошку и хлеб. Коля принес из дома старую фляжку. У фляжки не было пробки, но мы смастерили ее из куска дерева. Во фляжку мы налили воды.

Всем домашним — и папе, и маме, и бабушке — я наказал, чтобы меня разбудили в четыре часа утра. Ночью мне снилось, что мы плывем по реке Ориноко, а по берегу бегают страшные лохматые индейцы с томогавками в руках и кричат:

— Нави! Нави! Иван!

Вдруг они кинулись в воду, подплыли к лодке и схватили меня. Они хотели меня «скальпировать». Я стал вырываться, но они все больнее тянули меня за волосы и вдруг подняли высоко и сбросили в холодную воду. Я закричал... и проснулся.

Надо мной стоял Ялок-Быстрая Нога и лил на меня воду из ковша.

— Ты что?! — вскочил я.

— Иначе тебя не добудиться,— пояснил Ялок.

Я взглянул на часы. Двадцать минут седьмого! Оказывается, все по очереди пытались меня будить, но безуспешно. Коля рассказал, что Витепрях уже уехал на своей голубой лодке вниз по реке.

Через пятнадцать минут отчалила и наша пирога. Ух, и быстро скользила она. Было еще не жарко. Дул ветерок. Нам стало очень весело и приятно, и мы затянули боевую индейскую песню:

Смелей, друзья, вперед!
Спеши, спеши, индеец молодой.
Крепка твоя нога,
Догонишь ты врага
Нехоженой звериною тропой. Э-гой!

Это мы сами придумали. А дальше не смогли. Вот если бы Витя,— тот, наверное, сумел бы. Но и без слов получалось неплохо. Вот так:

Траля-ля-ля-ля-ля. Э-гой!
Траля-ля-ля-ля-ля!..

Вдруг впереди, у поворота реки около парка культуры и отдыха, на фоне леса, я увидел голубую лодку.

— Смотри,— шепнул я Коле, как будто кто-то мог подслушать нас.

— Витепрях,— так же тихо ответил Ялок-Быстрая Нога.

Мы налегли на весла. Голубое пятно все приближалось. Витина лодка стояла на месте.

— Ага! У него какая-то авария,— сказал Ялок.— А ну, нажмем!

Витя стоял в лодке и возился с парусом. Он, видно, заметил нас, бросил брезент на дно и взялся за весла.

— Э-гой! Не уйдешь!— закричал Ялок.

Началась погоня. Наши весла работали мерно и быстро. Они были тонкие и легкие.

— А ну еще. А ну дружней,— подзадоривали мы сами себя.

Лодка неслась быстро-быстро. Расстояние между нами все уменьшалось. И вдруг — треск!.. Я чуть не вылетел в воду. В моей руке остался кусок весла — вторая половина обломилась — зацепилась за какую-то корягу.

Очень было обидно, но пришлось остановиться и подобрать обломок. Тем временем лодка Вити исчезла за поворотом реки.

Мы посоветовались и решили пристать к берегу. Наш план был такой: отдохнуть у костра, починить весло, а когда Витя будет возвращаться, напасть на него.

Мы развели на берегу костер. Коля вытащил откуда-то кулек с мукой.

— Зачем ты муку взял? — удивился я.

— Печь хлеб,— ответил Ялок.

— Ха-ха-ха! — закатился я. — Ты что, печку сложишь здесь, что ли?

Ялок насупился:

— Настоящий индеец не смеется над тем, чего не знает. Молчи и смотри, что я буду делать.

Он высыпал муку на чистую тряпицу, подсыпал в нее соли, налил из фляжки немного воды и замесил густое тесто. Потом он наделал из него небольших лепешек, нарвал крупных листьев и завернул в них эти лепешки. Потом сунул их в горячую золу и уселся на пенек, важно так, как победитель.

Коля был в широкополой соломенной шляпе, в лыжной куртке и в больших тяжелых сапогах, которые он взял у брата. В этом костюме он походил на какого-то путешественника и потому, наверное, важничал.

Через несколько минут мы ели «индейский хлеб». Лепешки подгорели, имели пресный вкус,— но они показались мне вкуснее всякого сдобного печенья. Даже вкуснее мороженого. Потом мы напекли в золе картошки и быстренько ее уничтожили.

После завтрака мы принялись за дело. Коля срезал крепкую ветку, обстрогал ножом ее и обломки весла, а я тем временем отправился искать кусок веревки или проволоки, чтобы примотать ветку к веслу. Я медленно шел по берегу. Вдруг впереди за кустами мелькнуло го-

лубое. Это была лодка Витепряха, причаленная к берегу. Я пригнулся и прокрался вперед. Около лодки догорал костер, рядом лежал разостланный брезент и валялась консервная банка. Самого Вити поблизости не было. Я стал осматриваться и скоро заметил его. Он бродил по лесу, метрах в ста от берега.

Я поскорее вернулся к Коле и все рассказал. У него глаза разгорелись.

— Шикарно! — сказал он.— Мы нападем на его бивуак и уведем лодку. И чинить весло не нужно: у нас будут голубые весла.

— Верно, Ялок! — воскликнул я.— Это будет интересно и весело. Но... постой-ка... Если мы оба уйдем отсюда, ведь Витепрях может захватить нашу пирогу.

— Хм,— задумался Коля.— Ты говоришь правильно... Знаешь что? Ты иди, садись в его лодку и отчаливай. Только осторожно подбирайся. А я подъеду к тебе на нашей желтой посудине.

Я отправился. Я полз бесшумной змеей. Витепряха не было видно поблизости. Я дополз до края кустарника, вскочил — и бросился к голубой лодке. Я уже сталкивал ее в воду, когда неожиданно кто-то прыгнул на мою спину. Я упал, мы покатились по земле. Это был Витепрях. Он выскочил из-за куста. Витя был сильнее меня, но я здорово дрался, и у нас начался отчаянный поединок. Мы барахтались, как зверюшки. Но вдруг, когда мы очутились на разостланном брезенте, Витепрях вскочил и окутал меня брезентом. Через минуту я был так заверчен и скручен и обвязан, что напоминал, наверное, куколку бабочки.

Я корчился и извивался. В брезентовой оболочке было душно. Витепрях поволок меня по земле и затащил в лодку. Я ничего не видел, но скоро услышал удары весел по воде и всплеск волн о борта. Лодка куда-то плыла. Я был в плену.

«Вот влип! — думал я.— Теперь он завезет меня на какой-нибудь островок и оставит там. А Ялок и не узнает даже. Ведь ему с одним веслом не догнать Витепряха».

В этот момент я услышал боевой клич:

— Э-гой!.. Стой, трусливое племя!

— Не догонишь! — прокричал в ответ Витя.

— Держи! — коротко крикнул издали Ялок, и в борт нашей лодки вонзилась стрела.

«Так его, так!» — хотел закричать я, но вместо крика у меня получилось какое-то мычание.

Вторая стрела ударила о борт, и в тот же миг послышался тяжелый всплеск. Нашу лодку сильно качнуло, и уже совсем близко от меня что-то с шумом упало в воду. Послышался чей-то вскрик.

«Что же это такое?» — подумал я и с новым ожесточением стал биться и рваться, стараясь освободиться из брезентовых пут. Но — безрезультатно.

Я слышал вначале плеск и хлопанье рук по воде, потом эти звуки затихли. Потом кто-то закричал, что — я не разобрал, только услышал свое имя. Снова по воде захлопало что-то, и, наконец, все стихло.

Я бился, чтобы высвободиться. Постепенно путы ослабели, и я выбрался из своей темницы.

Вити в лодке не было. Его не было и за бортом. Куда-то исчез и Ялок с нашей пирогой... Где же ребята? что с ними?

Я заметил в воде лишь боевой лук, из которого стрелял Коля. Лук тихо плыл по течению и медленно покачивался...

Нужно было что-то делать. Я взялся за весла. Но куда грести?

— Э-го-гой! — закричал я.

И вдруг на берегу показалась фигура Вити. Он замахал руками и крикнул:

— Греби сюда!

А вот и наша пирога. Она сливалась с фоном берега, и потому я не заметил ее сразу. А еще Зорким Глазом называюсь!

На берегу я нашел и Колю. Он сидел на лужайке раздетый и мотал головой: воду из ушей вытрясал. Его насквозь мокрые сапоги и одежда лежали рядом.

— Жми Витьке руку. Мы уже помирились,— сказал Коля, когда я подошел к нему.

Витя молчал и только улыбался.

Оказывается, дело было так. Когда Коля выпустил вторую стрелу (он стрелял, стоя на носу лодки), то не удержался и упал в воду. Плавать-то он умел, но сапоги были тяжелые. Да еще одежда... Вот его и потянуло ко дну. А Витя не стал раздумывать, выпрыгнул из лодки, но Коля успел наглотаться воды, он уже начинал терять сознание, и Витя поскорее вытащил его на берег.

— Ты уж извини меня,— сказал Витя,— что я тебя так крепко запаковал, а потом бросил одного.

— Ерунда,— ответил я,— на войне всякое бывает,— и мы пожали друг другу руки.

— А у меня для вас кое-что есть,— сказал вдруг Витя и побежал к лодке.

Он вытащил из-под сиденья и принес нам банку с голубой краской. Ее там было не меньше половины — отличной голубой краски.

— Вот это да! — восхищенно пробормотал Коля.— Знаешь, Витя, ты, оказывается, очень хороший товарищ, и мы будем с тобой дружить. Ладно?

Так кончилась наша ссора. И теперь у нас две голубых лодки. Одна называется «Смелый», а другая — «Дружба».

Елена Хоринская *Рисунки Ю. Соколова*

Три друга, что в классе учились одном,
О дальних дорогах мечтали тайком:
«Вот школу окончим, друзья, и тогда
Уедем в далекие мы города;
Я, может, на север, ты, может, на юг,—
Ты любишь жару, а мне скучно без вьюг,—
Так, значит, у нас разойдутся пути...
Но каждый, что хочет, сумеет найти!
Я в горы отправлюсь, навстречу лучу, —
Я горные клады разведать хочу».
«Нет,— другу на то отвечает другой,—
Мой план, я скажу вам, совсем не такой.
Не надо мне кладов и горных вершин,—
Я стану, друзья, командиром машин.
Мечта моя самая первая вот:
Построить огромный-огромный завод».
А третий ответил: «Ну, что же, друзья,
Кем буду, могу рассказать вам и я:
Хоть смейтесь не смейтесь, но снится мне сад,
И спелые яблоки будто висят.
Признаться, ребята, я очень хочу
Выращивать вишни, ранет, алычу».

«...Вот школу окончим, друзья, и тогда
Уедем в далекие мы города.

Я, может, на север, ты, может, на юг»...
Большие-большие дороги вокруг.

* * *

Окончена школа. Проходят года.
Где ж эти ребята, умчались куда?
Первый,— немало хоть гор повидал,—
Отыскивать клады он выбрал Урал,
И золото вскоре открыл, говорят,
И часто своих вспоминал он ребят.
Второй — на заводах везде побывал,
Но парня тянуло домой, на Урал.
Вернулся он, выстроил новый завод...
И сад на Урале взрастил садовод.

ЗЕЛЕНЫЙ КАМЕНЬ

Ф. Тарханеев *Рисунки Е. Гилевой*

В конце мая, когда закончились занятия в школе, отец сказал Вите:

— Ну, сын, поедем коллекцию минералов собирать.

Это было огромное событие. Вот уже два года Витя собирал минералогическую коллекцию. Но минералы в ней были случайные: камешки со дна городской речки, граниты с загородной горки и еще десяток пород, взятых где попало. Поэтому Витя немедленно и с большой радостью принял отцовское предложение.

К поездке Витя собирался тщательно. Готовил упаковку для сбора образцов: мешочки, бумагу, этикетки. Много раз примерял подаренную отцом настоящую полевую сумку, осматривал горный молоток.

— Да ты как опытный геолог собираешься,— удивлялся отец.

Последние дни казались Вите длинными-длинными. Каждый прожитый день он старательно вычеркивал в своем календаре.

Наконец, настал долгожданный час. Витя, одетый по-дорожному, поехал с отцом и матерью на станцию. Вот и поезд... У вагонов прощанье.

— Витюшку-то не потеряй... чтобы не утонул, не заблудился...— наказывала мать. В последнюю минуту она заплакала.

Увидев слезы на лице матери, Витя тоже всхлипнул, но, услышав замечание отца, окончательно почувствовал себя взрослым, притих и отвернулся, поспешно вытирая слезы.

Поезд тронулся. Застучали колеса. Перед окнами вагона промчался родной город. А дальше горы и лес, полный неведомых тайн.

На станцию поезд пришел утром. Петра Ивановича и Витю ждала подвода. Они удобно разместились, и лошади бойко побежали по торной дороге.

Быстро миновал маленький пристанционный поселок. Вот и лес. Густой, заросший кустами вереска и жимолости, настоящий темный лес.

Чудесна поздняя весна на Урале! На горах ярко зеленеют умытые зимними снегами хвойные леса. Скромные молодые березки, одетые свежей, еле распустившейся листвой, тянутся к свету, к солнцу. Шелестят беспокойные осинники. В ручьях и речках шепчутся холодные струйки. На лужайках и по берегам речек зеленеет нежная молодая травка. Отцветают душистые фиалки, около воды распускаются голубенькие незабудки, а на лугах, как свечи, стоят желтенькие купавки.

Вечерами, на заре, майский жук все еще кружится около молодой листвы у вершин берез.

А ночи уже теплые, летние...

До речки восемь километров проехали незаметно. Вдруг дорожка свернула в сторону, и впереди на лужайке Витя увидел небольшой поселок. Здесь они и остановились.

Первые минуты Витя не знал, что делать. Вокруг было так много интересного: на пригорке зрелая земляника, около нее бойко сновали серенькие ящерицы. У пригорка маленькая речка.

Витя побежал к речке и в изумлении остановился: вода в речке светлая-светлая — все дно видно.

— От поселка далеко не ходи, заблудишься... Здесь на десятки верст нет деревень,— предупредил отец.— В тайге живут медведи. Видишь гору? — указал он на высокую скалистую сопку. Если пойдешь от поселка к северу, гора будет с правой стороны, если к югу — с левой. Солнце в полдень к югу. Смотреть за тобой здесь некому и некогда.

Это для Вити было интереснее всего. Сам себе хозяин... Иди куда хочешь... «Первое — это на вершину горы»,— решил он.

На следующий день Витя проснулся поздно. Отца не было. Витя съел оставленный ему завтрак, напился чаю, надел сумку-рюкзак, взял молоток и вышел.

— Далеко ли, Виктор Петрович? — шутливо спросил его встречный знакомый.

— На гору! — с серьезным видом ответил Витя и, махнув молотком, пошел по тропинке.

Как только Витя очутился в бору, гора скрылась из виду. Вначале это его смутило, но, ориентируясь по солнцу, он пошел вперед. Вскоре опять показалась вершина сопки. От поселка гора казалась ближе, чем это было на самом деле.

Солнце поднялось к самому зениту, когда Витя добрался до вершины горы и очарованный остановился: перед ним на десятки километров открывался чудесный вид. У подошвы горы мальчик увидел свой поселок. Какими маленькими казались домики. Вон станция, откуда они приехали. Вправо между гор, далеко-далеко, большое село, а дальше горы и леса, леса и горы.

Первый раз в жизни Витя увидел такую красоту. Налюбовавшись, он пошел по вершине, осматривая горные породы. В одном месте на солнце лежала большая черная гадюка. Увидев его, змея быстро скрылась в камнях. Над алыми цветами шиповника кружилась бабочка.

— Махаон! — зашептал Витя.— Да какой большой! Вот поймать бы! — Витя, крадучись, подошел к цветам, намереваясь шапкой прикрыть махаона, но промахнулся. Махаон вспорхнул и снова сел на цветы.

Вите стало обидно. Все равно поймаю,— решил он и снова пошел к бабочке. А махаон, словно выжидая, сидел, медленно распуская и складывая большие темные, со светлой каймой, крылья.

— Какой красавец! — шептал Витя. Но и на этот раз не удалось его поймать. Гоняясь за бабочкой, мальчик не обратил внимания на то, что тропинка исчезла. Когда Витя все же поймал махаона, весенний яркий день померк, по вершинам леса зашумел ветер, и вдали раздались глухие раскаты грома.

Витя тревожно посмотрел на облака. «Пора домой,— решил он и пошел под гору. Но без солнца потерял ориентировку. Спускаясь, мальчик смутился: не было той тропинки, по которой он поднялся, под горой он не нашел речки, у которой расположился поселок.

— Я ушел далеко к югу,— решил он.— Если вернуться к поселку, нужно, чтобы гора была справа. И, придерживаясь своей ориентировки, мальчик бойко зашагал. Он уже шел больше часа, а речки не было.

— Па-па-аа! — попробовал он закричать, но крик получился слабый и быстро заглох в густом лесу.

«Заблудился,— со страхом подумал Витя. Впереди показалась невысокая горка. — Зайду на вершину и увижу домики», — решил он

Поднимаясь на нее, Витя споткнулся и невольно посмотрел под ноги. На дорожке лежал странного вида бледнозеленый камень. По цвету он мало отличался от молодой травки. Витя не встречал еще таких красивых минералов. Около лежало еще несколько таких же камней: одни были яркозеленые, другие как бы выцвели, побелели. Самый яркий заинтересовал Витю: часть его находилась под землей. Мальчик вывернул его. Камень оказался яблочно-зеленого цвета.

— Какой замечательный! Непременно спрошу у папы, как он называется,— рассуждал Витя. Он увлекся и на время забыл о том, что не знает, где находится поселок.

Записав на этикетке «Зеленый камень найден недалеко от вершины невысокой горки», Витя завернул камень в бумагу и положил в рюкзак.

Вот и вершина горки. Взобравшись на самый высокий камень, Витя оглянулся, но увидел лишь темный сосновый лес. Ему вдруг стало страшно, он сел на камень и заплакал.

Вечером, вернувшись домой, Петр Иванович сразу заметил отсутствие сына.

— А где Виктор? — спросил он хозяина.

— На гору ушел.

— Давно?

— Около полудня.

— Что же ты не остановил его!

Быстро собрав жителей, Петр Иванович направился с ними к горе. Поднялись на вершину, он крикнул:

— Витя-ааа!..

Ответа не было. Тогда он два раза выстрелил. Эхо раскатилось и заглохло в логах.

Бессонная ночь была тревожна. Утром чуть свет отправились на поиски мальчика.

В полдень из поселка раздался сигнал. Витю привез колхозник-старик.

От радости Петр Иванович даже не пожурил сына.

Витя рассказал, как он вышел на тропинку, как встретил колхозника. С ним доехал до деревни и там ночевал.

— Папа, как называется этот минерал? — вспомнил Витя зеленый камень.

— Где ты его взял? Ведь это никелевая руда!— вскричал Петр Иванович.

— Как? Никелевая руда?— удивился Витя.

— Ну, да! Этот «зеленый камень» — никелевая руда, гарниерит. «Взят около вершины невысокой горки»,— прочитал он этикетку.

— Милый ты мой геолог. Да ведь таких «невысоких горок» на Урале сотни!

— Ты, быть может, вспомнишь, где эта горка?

Витя отрицательно покачал головой.

— Все же поищем,— решил Петр Иванович...

На следующий день Петр Иванович и Витя поднялись на гору.

Шаг за шагом вспоминал Витя свой путь к невысокой горке.

— Вот здесь я змею видел,— говорил он, указывая на камни.— Здесь бабочку ловил...

После долгих поисков нашли, наконец, невысокую горку, и Петр Иванович принялся внимательно ее осматривать.

Пионерский костер

Л. Татьяничева

Рисунок Ю. Соколова

Дальний берег в сизой дымке.
Островерхих сосен ряд.
Словно в шапке-невидимке,
Горы строгие стоят.
Августовская прохлада
На траву росой легла.
Темноте мы нынче рады,
Ждем, когда сгустится мгла.
А когда завесой черной
Ночь закроет луг и бор,
Мы зажжем пятиугольный
Пионерский наш костер.
Мы валежнику набрали
У седой Ильмень-горы,
Мы нашли в глухом завале
Старых шишек и коры.
Шишки вспыхнут, словно порох,
Затрещит в огне кора...
Горн. Смолкают разговоры.
Зажигать костер пора.
От углов звезды крылатой
Побежал, как ручеек,
Синеватый, языкатый
Негасимый огонек.
Затаили мы дыханье,
Замолчал горластый горн,

И сухое полыханье
Занялось с пяти сторон.
Выше сосен корабельных
Искры брызнули.
Гляди —
Пламя вспыхнуло на небе,
Словно галстук на груди.
И поднялись враз танцоры,
Жарче пламя — шире круг,
В такт певучим переборам
Ударяет сотня рук,
Рук умелых, загорелых,
Не боящихся труда,—
Поручи любое дело —
Пионер готов всегда!
Мы страны Советской дети.
Наши помыслы просты:
Мы хотим, чтоб искры эти
Разожгли на всей планете
Пионерские костры!

К. Боголюбов *Рисунки Ю. Соколова*

ПОЧЕМУ АЛЕШЕ ВЕСЕЛО, А БОРЕ СКУЧНО

Чудесная штука жизнь! Так много хочется сделать: и то, и другое, и третье, потому что во всяком деле есть свой интерес.

Алеша в доме встает раньше всех. Спит брат Сережа, спит младшая сестренка Люба, а он уже сидит за столом и рисует во весь лист паровоз. У паровоза громадные красные колеса, на груди пятиконечная звезда, из трубы дым стелется черным хвостом. Это «Ф-Д», на котором ездит отец Алеши Иван Степанович Кунгуров.

— Ты не умывался? Иди, иди, детка, умойся!

Это мама. Она всегда знает, что нужно Алеше, что он думает. Вчера, например, когда ему вдруг стало невесело и он начал хныкать, мама быстро догадалась.

— Тебе, маленький, пора спать.

Алеше никогда не бывает скучно, не то что соседскому Боре. Они ровесники, только Алеша ходит в детский садик, а Борю мама не отпускает, говорит, что у нее сердце болит, если она не видит рядом с собой своего единственного сынишку.

И вот теперь, когда так хорошо на дворе, Бори не видно. Алеша несколько раз стучал в Борино окно, и каждый раз в окне появлялось сердитое лицо Бориной мамы.

— Тебе сказано, что Боре нельзя: холодно, он может простудиться.

Совсем не холодно, только не надо стоять на месте. Можно бегать вперегонки, слазить на крышу дровяника. Ну, что ж, Алеша и один найдет себе дело. Он принимается строгать стрелы для лука. Правда, мама почему-то не любит, когда Алеша стреляет из лука или из рогатки. Алеше и самому приятнее было бы стрелять из ружья, но...

Все-таки сколько прекрасных вещей на свете! Например, папино ружье. Оно висит над папиной кроватью под оленьими рогами, и если

идешь мимо, нельзя не остановиться. А когда остановился, хочется встать на кровать, попытаться снять ружье, чтобы узнать, как все же из него стреляют. И вдруг сзади голос тети Сони:

— Ты что тут делаешь?

Ну, можно ли так пугать человека? Потом тетя Соня жалуется маме. Та пугается и пугает Алешу, будто бы ружье само выстрелит и обязательно кого-нибудь убьет. Когда папа вернулся со смены, его тоже напугали, и он сказал строго:

— Ты, карапуз, ружье не трогай — оно заряжено. Подрастешь — тогда поедем с тобой к дедушке. Будем у него в Калиновом логу козлов стрелять.

Всегда так: подрастешь, тогда можно. Легко сказать! Это значит еще ждать столько же, сколько прожил.

Солнце уже высоко. Рябина под окнами горит красными гроздьями. Алеша не раз принимался есть ягоды — не понравилось. На двор выходит Боря. На нем вязаная курточка, шапочка и шарф на шее.

— А мне мама новую шапочку купила,— говорит он.

Алеше мама не купила ничего, но он не лезет в карман за ответом.

— А у меня трубочка есть.

Он по натуре коллекционер. Что только ни попадает в его карманы! Он положительно не может обходиться без вещей, и они сопровождают его всюду. Даже, идя в баню, он берет с собой целую флотилию вырезанных из коры лодок. Мама каждый день выметает из углов всевозможный утиль. А когда она идет с рынка, из кошолки у ней среди редисок и зеленого лука обязательно торчит то ножка от тележки, то палка с каким-то таинственным назначением. Это Алеша освобождает себя от лишнего груза. Понятно, почему взрослые не разделяют его благородной страсти к собиранию красивых и редких вещей, вроде сломанной автомобильной фары или покрытой ржавчиной шестеренки от ходиков. Возвращаясь из поездки, папа обычно застает у себя на столе целую коллекцию цветных стекол, камешков, гвоздей и, уже не спрашивая, чья эта работа, командует:

— Алешка! Убери со стола свой мусор!

Куда бы ни шел Алеша, от его зоркого глаза не ускользает ни одна примечательная вещь: будь это разбитая бутылка или пробка от нее. Что поменьше, попадает в карманы, мама уже не раз чинила их.

— Беда мне с ним,— говорит она,— такой, знаете, неспокойный возраст.

А при чем тут возраст, если это черта характера.

На крыльцо выходит Сережа. Он на три года старше Алеши и уже ездил в пионерский лагерь.

— Малыши! — говорит он.— Накопайте червей. Пойдем рыбачить.

Алеша очень рад. Одного мама его никак не отпускает на пруд.

— Пойдем, Боря, копать червей.

Это тут же за дровяником, где весной лежала куча навоза, а теперь растут грибы-поганки на тонких вялых ножках. Боря направился за Алешей, но в окно высовывается голова Бориной мамы.

— Боринька! Куда ты пошел?

И вот Алеша копает червей, а Боря стоит среди двора, зябнет и скучает. Но когда мимо него на пруд идут Сережа с Алешей, он не выдерживает и идет вслед за ними.

Как славно на берегу! Пруд, неподвижный, гладкий, блестит словно огромное зеркало. На противоположном берегу виднеются корпуса Коксохима, и дым из труб поднимается такой же густой и черный, какой рисует Алеша у паровоза «Ф-Д».

Сережа разматывает леску и предупреждает:

— Сидеть тихо, а то всю рыбу распугаете.

Но что значит сидеть? Разве Алеша может сидеть, когда нужно обследовать весь берег. Он видит два бревна, толстых и длинных, далеко выдавшихся в воду. Интересно посмотреть, что там дальше в пруду, кроме тины и водорослей. Алеша идет по бревнам. Они скользят и качаются под ногами. И страшно и весело!

— Иди ко мне, Боря, иди. Не бойся.

Боря осторожно ступает на бревно. Он медленно подвигается вперед. Алеша уже протягивает ему руку. Вдруг раздается женский вопль. На берегу появляется Борина мама. Она кричит и плачет. Боря неловко оборачивается, взмахивает руками и — бултых в воду!..

Он тотчас же показывается мокрый, выпачканный в грязи. Мама помогает ему вылезть и говорит:

— Больше я тебе не разрешаю играть с ним.

С ним — это значит с Алешей. Ну и пускай. Очень нужно. Однако на душе все-таки нехорошо. Лучше бы итти в садик, но садик закрыт на ремонт. А без товарищей Алеша не может.

Сережа тоже недоволен: клёв сегодня плохой. Вот у дедушки на Изьве клёв так клёв.

Братья возвращаются домой. А дома их ждет мама. Она сердится на Алешу. Это Борина мама ей что-то рассказала. Сережа спрашивает:

— Отпустишь меня с Алешей к дедушке?

Мама задумывается.

— Вот я спрошу, не поедет ли тетя Соня. Ведь у ней отпуск. Одних-то вас отпустить нельзя — натворите еще чего-нибудь.

— Ничего не натворим,— обижается Сережа,— я ведь уж не маленький. Пусть только он меня слушается.

Он — это опять же Алеша.

В ГОСТИ К ДЕДУШКЕ

Ура! Тетя Соня согласилась. В 18.00 отправляется дачный поезд, и с ним поедут Алеша и Сережа к дедушке на разъезд Изьва. У мамы тревожное лицо. Она целует детей и тетю Соню и наказывает всем троим:

— Сережа, ты следи за братом, не отпускай его от себя. А ты, Сонечка, позаботься о них. Слушайтесь ее, детки... Сонечка, возьми деньги на билет Сереже.

— Не надо, у меня свои есть,— отвечает тетя Соня.— Садитесь скорее. Уже третий звонок.

Мама целует снова всех троих. Алеша стоит у окна вагона. Поезд трогается. Мама идет по перрону, машет платком, лицо у ней такое грустное, что у Алеши слезы подступают к горлу. Как она, бедняжка, останется одна с маленькой Любой, которая ведь еще ничего не понимает и обоих — и его и Сережу — называет почему-то Атя.

За окном плывут станционные постройки, пакгаузы, склады, постукивают колеса на стрелках. Вдали блеснул пруд. Вскоре он скрылся из глаз.

Входит кондуктор.

— Приготовьте билеты, граждане! Это ваши дети, гражданка?

Тетя Соня отвечает:

— Мои.

— Я сын машиниста Кунгурова,— возражает Сережа. Лицо у него становится сердитым, и весь он делается похожим на ежа. Тетя Соня смеется. Смеются и соседи по купе.

Алеша поглощен новыми впечатлениями. Ему нравится ехать в поезде. Особенно, когда начались горы. Один раз в вагоне вдруг стало совсем темно и запахло дымом.

— Тоннель,— сказал Сережа.— Скоро приедем. Вот сейчас будет мост через Изьву, потом разъезд.

И верно: состав загрохотал по мосту, а внизу глубоко-глубоко блеснула река. Вот и разъезд. Паровоз дал свисток. Тетя Соня сказала:

— Пошли, ребята!

Выяснилось, что к дедушке еще надо итти с полкилометра. По обе стороны от полотна железной дороги горбились горы, поросшие лесом.

Было угрюмо и мрачно в этой лощине между гор, и в то же время удивительно красиво.

Вскоре коричневый домик выглянул из-за деревьев. Старушка в белом платке, кормившая поросенка, всплеснула руками.

— Милые вы мои! Да как это вы надумали приехать?

И ну обнимать всех троих. Это была бабушка.

— Проходите, проходите в избу.

Как хорошо в комнатах! Какая чистота! Сколько зелени!

— Что это у вас, мама, целый сад в доме?— спросила тетя Соня.

— Да ведь мой-то — мичуринец. Это у него в кадушках-то лимоны растут. Все новые породы выводит. Да что это я стою. Ведь соловья баснями не кормят. Отдыхайте с дороги, а я на стол соберу поесть.

Пока бабушка готовила ужин, Алеша прилег на кровать да так и

заснул. И будто сквозь сон видел, как склонилось над ним лицо старика с белой бородой. Сильные руки подняли и понесли его и снова опустили во что-то мягкое и теплое.

Проснулся Алеша от множества необычных звуков. На дворе горланил петух, мычала корова, визжал поросенок. Все было удивительно и ново. Алеша выбежал в одной рубашке на двор, навстречу веселому солнцу, заливавшему окрестность. Бабушка шла из огорода. В руках у нее морковь растопырила толстые красные пальцы, висела скуластая желтая репа и похрустывал кочан капусты, круглый, тугой, сахаристый.

— Вишь ты какой ранний! Ступай попей парного молочка.

Алеша спустился с крыльца. Но в это время откуда-то из-за угла появилась сердитая белая птица; изогнув длинную шею, зашипела по-змеиному да так страшно, что Алеша мигом взбежал на крыльцо. В дверях стоял дед в форменной фуражке. У него седая, точно приклеенная борода.

— Здорово тебя напугал гусак. Здесь, братец ты мой, держи ухо востро, Алеха... Ну поздороваемся! — И он целует Алешу. Борода у деда жесткая, от него пахнет табаком.

— Пойдем поезд встречать,— говорит он и берет Алешу за руку. Они идут мимо рябины. Дедушка срывает гроздь ягод:

— Попробуй-ка!

— Нет, дедушка, она горькая.

— Хо-хо! Сам ты горький. Ты попробуй сперва.

Алеша кладет в рот одну ягоду и удивляется. Что такое? Пахнет рябиной, а вкус такой приятный. Дед хохочет.

— Не едал такого? Вот тебе и горькая рябина. Ты на будущий год приезжай — я тебя угощу вареньем из калины... Так-то, Алеха! Человек должен покорять природу, а не покоряться ей. Вырастешь — поймешь.

Нет, положительно мир полон чудес. По дороге дедушка рассказывает, что он эти места знает давно.

Издалека доносится гул приближающегося поезда. Дедушка вынимает сигнальный флажок и встает у переезда. Поезд показывается из-за горы. Впереди мчится огромный паровоз.

— Дедушка! — говорит Алеша,— на этом паровозе мой папа едет. Это фе-де.

— Нет, твой папка на другой дистанции. Он водит тяжеловесные поезда, твой папка. Можешь гордиться им. Мы, Кунгуровы, рабочей чести не уроним.

Состав промчался по мосту и мимо переезда, оставляя за собой разлетающийся хвост дыма. На площадке последнего вагона железнодорожник что-то крикнул деду, тот приложил ладонь к козырьку, потом вытащил из-за пазухи кисет с табаком и закурил.

— Да, братец ты мой, в этих местах мы с Колчаком дрались! Я тогда со станции у белых паровоз угнал. Хватились, а меня и след простыл... Хо-хо!

Дед хохочет, и эхо повторяет за ним: хо-хо!

АТАМАНОВ КЛАД

Сережа пришел с рыбалки, и бабушка принялась готовить уху. Дед сидел с ребятами на крылечке и называл горы, поднимавшиеся за рекой.

— Первая — это Лысая. Потому и Лысая, что у ней на вершине ни деревца, ни кустика. Вторая за ней — Волчья. Надо полагать, раньше волки в тех местах водились.

— А сейчас, дедушка?

— Да и сейчас попадаются, братец ты мой.

— Третья гора знаменитая. Возле нее Калиновый лог. Калины там страсть как много. Вот ужо доберусь я до нее. Тут настоящий сад фруктовый можно развести. Возле горы озеро, Светлое называется.

Ребята, затаив дыхание, слушали.

— А гора-то чем знаменита, дедушка?

— Гора знаменита тем, что тут раньше разбойники жили. Потому и назвали ее Атаманиха.

— Так у них, наверно, там клад зарыт? — спросил Сережа, и глаза его заблестели.

— Ну, этого, братец ты мой, я сказать не могу. Не знаю, не слыхал.

— Нет, наверно, есть клад,— заявил Сережа.— Не может быть, чтобы не было. Надо только суметь найти его. А далеко, дедушка, до Калинового лога и до Атаманихи?

— Прямиком не больно далеко, а дорогой да тропками, конечно, потопаешь до вечера...

Сережа сделался задумчив. Сели обедать, и он по рассеянности взял вилку вместо ложки. И весь обед молчал.

— Что с тобой, Сереженька? Уж не болен ли? — спросила бабушка. Но тетя Соня сказала:

— Не обращайте на него внимания, пускай дуется.

Брату Сережа открыл секрет.

— Завтра идем на Атаманиху.

Подготовку к пути он провел серьезно: взял нож, котелок и спички. В организации подобного рода предприятий у него уже имелся некоторый опыт: в прошлом году он исчез на три дня. Через три дня вернулся усталый, голодный, оборванный, но полный отваги. Он ездил отыскивать стоянку людей каменного века. Правда, черепки, которые он нашел в одном городище, оказались остатками разбитой глиняной посуды и относились к двадцатому веку нашей эры. Однако юный археолог не терял надежды обогатить историческую науку новыми открытиями.

Было еще совсем рано, так рано, что солнце не поднималось из-за гор, и в долине над рекой висел густой туман, когда путешественники вышли из дома. Они прошли огородом, перелезли через прясло и спустились по тропинке к реке. По мостику в две жердочки перебрались они на тот берег. Впереди поднималась Лысая гора. Так начался поход.

НЕ ПЛАЧЬ, АЛЕША!

Как весело шагать, вдыхая свежий утренний воздух, по лугам, поросшим черемушником и ольхой! Все выше и выше поднимаются путники. То и дело приходится взбираться на скалы, покрытые мхом. Узорчатые листья папоротника шуршат под ногами. Из расщелин поднимаются длинные, как жгуты, стебли иван-чая с пушистыми кудерьками. Какой простор на вершине Лысой горы! Солнце заливает ее яркими лучами. Туман в долине рассеялся, и вся она запестрела оранжевым, желтым, бордовым!

— До чего красиво, Алеша! — крикнул Сережа, стоя на скале, и вдруг спрыгнул с нее.

— Змея! — прошептал он.

Длинная темносерая лента, извиваясь, сползла по камню и исчезла в траве. Мальчики стояли, оцепенев от испуга.

— Ведь она могла ужалить,— проговорил Сережа.

— Я бы ее убил,— сказал Алеша, несколько оправившись от страха.

— Как же!

Мальчики никогда не видали змей. Эта встреча произвела на них сильное впечатление и явилась как бы началом непредвиденных трудностей и опасностей.

Спустившись с Лысой горы, мальчики попали в болото. Тропинка затерялась в траве между кочек и пней. Тощий сосняк и березняк росли на болоте. Зато здесь оказалось вволю клюквы и костяники. Алешу просто невозможно было оторвать от каждого куста, где пунцовые спелые ягоды лежали на своих жестких круглых листочках.

Ребята вымокли до пояса, озябли, а проклятому болоту конца не было видно. Алеша уже начал хныкать, но Сережа пристыдил его.

— Какой же ты мужчина! А еще солдатом хочешь стать... Разве солдаты плачут?

Кое-как выбрались они на сухое место. Стали взбираться на Волчью гору.

— Я есть хочу,— сообщил Алеша.

— Если бы я знал, что ты нюня, ни за что бы не взял с собой.

Однако на Волчьей горе он выбрал полянку. Натаскал сучьев и сделал привал. Огонь радостно заплясал синеватыми и желтоватыми струйками, потянуло горьким запахом сосновой хвои, затрещал, зашумел костер, заело глаза от дыма. Зато стало тепло и даже жарко. Алеша протянул к костру озябшие руки. Сережа, предусмотрительно захвативший воды, поставил на сучья котелок с картошкой и отрезал себе и брату по ломтю хлеба.

Кто не знает, как приятно сидеть в лесу у костра, на мягкой постели из пихтовых веток, вдыхая полной грудью запахи леса, слушая, как деловито стучит дятел, наблюдая, как красноперая роньжа пугливо поднимается с куста. А кругом встали темнозеленые пихты, и не видно ничего за их непроницаемой стеной. О чем только не мечтается в такие минуты! Но с кем поделишься мечтами, если вам, скажем, десять лет, а вашему спутнику семь. В таком случае вам кажется, что вы выше своего собеседника на две головы и вдвое умнее. Вы уже изведали пыл коротких, но жарких сражений во время перемены между уроками, руки и лицо у вас в шрамах от сабельных ударов, а ноги закалены игрой в футбол. Вы подинмались на крышу, откуда виден весь заводской поселок. Вы вместе с Чапаевым мчались на белогвардейские цепи, вы мстили фашистам за Олега Кошевого и Зою Космодемьянскую. Вы мечтаете о странах, еще не открытых, о подвигах, еще не совершенных. А ваш собеседник задает вам глубокомысленные вопросы: «Почему это дерево высокое? Почему птичка летает?»

Но ведь надо же с кем-то отвести душу.

— Ты знаешь, Алеша, мы с тобой обязательно найдем клад. Он, наверно, спрятан где-нибудь в пещере. Большой сундук с сокровищами! Мы его выкопаем и напишем письмо товарищу Сталину. Мы, знаешь, как напишем? Дорогой товарищ Сталин, мы нашли клад и отдаем его вам, сделайте с ним, что хотите...

— Ага! — отвечает Алеша. Он наелся горячей картошки с хлебом. У костра он согрелся, и ему неодолимо хочется спать.

Сережа укрывает его своей курткой и сидит возле него, подкладывая в костер сучья. Кругом шумят пихты, как будто шепчут:

— «Хорошо, малыши, придумали, хорошо...»

Через час Сережа разбудил брата. Они двинулись дальше.

Это был последний этап их пути. Сейчас оставалось спуститься с Волчьей горы, отыскать Калиновый лог у подножья Атаманихи, и цель будет достигнута. Ах, только бы дойти до заветного места! Сережа шел, не чувствуя усталости, но не мог же он бросить братишку, а тот устал до того, что уже еле двигал ногами. Вот как опасно выбирать себе товарища не по плечу. Вы, настоящие и будущие открыватели еще неоткрытых сокровищ, таящихся в дебрях лесов, в недрах гор, в просторах морей и океанов! помните священный закон товарищества.

Сережа помнил его и нес брата на своих плечах. Он устал до того, что лег на землю и лежал долго, набираясь сил. А солнце меж тем зашло за горы. Прохладные тени густо легли на долину, стало свежо. Впереди исполинским утюгом возвышалась Атаманиха. Но как далеко было до нее! В довершение всего мальчики шли наугад. Давно свернули они с дороги и брели меж кустов по направлению к горе. Она чернела перед ними, сплошь заросшая ельником. Начинало темнеть. Вечер осенний, холодный. Алеша начал терять бодрость.

— Домой хочу,— тянул он.— К бабушке...

И вдруг сел на кочку и горько расплакался.

— К маме хочу!

У Сережи дрогнуло сердце.

— Не плачь, Алеша! Потерпи немного. Мы дойдем до горы, а там разожжем костер, сварим картошку...

Когда они спустились в Калиновый лог, стало совсем темно. Ни о каком возвращении домой нечего было и думать. Оставалось переночевать в логу, благо здесь не было ветра. Сережа разделил с братом последний ломоть хлеба.

Снова разжег он костер, снова веселый золотой сноп с треском метнулся вверх! И лес как будто отступил. Стало светло и жарко. Атаманиха была рядом, и сердце Сережи радостно билось. Только бы переночевать!

Алеша уснул с недоеденным куском. Сережа лег с ним рядом, стараясь согреть его теплом своего тела. Он не спал, тревожно вслушиваясь и всматриваясь в темноту. Несколько раз он задремывал и снова усилиями воли прогонял сон. На один момент ему показалось, что какая-то странная тень появилась у костра. Он подбросил сучьев, и когда пламя озарило поляну, послышался звук, похожий на рычание. Сереже сделалось страшно. «Что если волки? — подумал он.— Все спасенье в огне». И он стал поддерживать огонь. Сон прошел. Сережа вспомнил дом. Сейчас мама убаюкивает Любочку. Отец сидит в кресле и читает газету. Наверно, они вспоминают о нем с Алешей. Если бы они знали, где сейчас их дети. И ему вдруг стало жаль и себя, и Алешу, и папу с мамой.

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЕ

Перед утром Сережа задремал. Он очнулся от холода. Костер потух. Влажный туман стлался по оврагу. Проснулся и Алеша.

— Где мы?

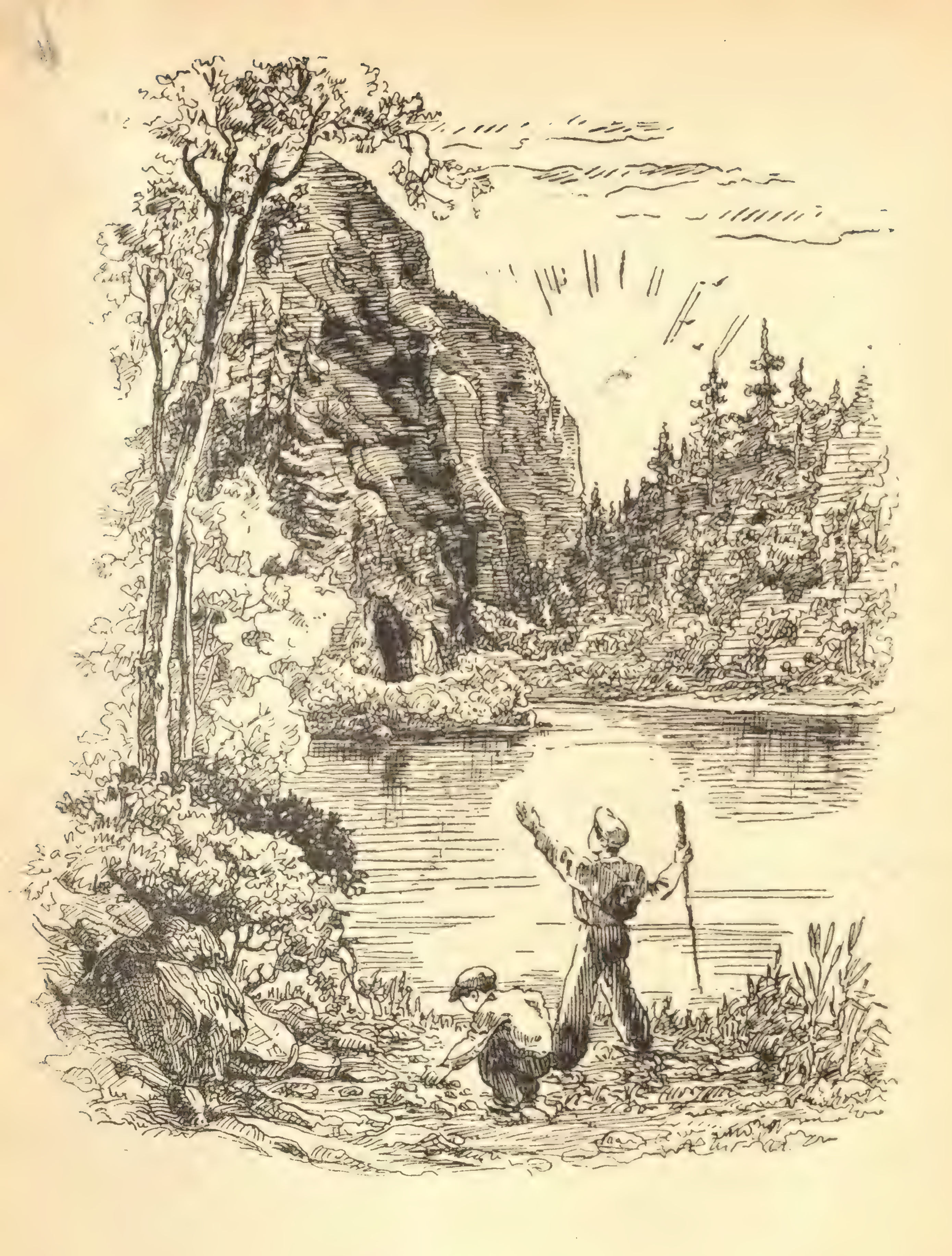
Сережа вскочил и взял его за руку, и братья пошли по дну лога навстречу поднимавшемуся солнцу. Все ближе и ближе подходили они к горе. Она спускалась крутым обрывом. Меж кустами калины что-то блеснуло. Озеро! Оно все горело в лучах зари. Как чаша, полная до краев, лежало оно в горах среди дремучих лесов. И с той стороны, где к озеру спускалась гора, чернело прикрытое ветками жимолости устье пещеры.

— Ура! — закричал Сережа.

И как бы в ответ откуда-то издалека донесся шум приближающегося поезда, и паровозный гудок огласил окрестные горы. Эхо повторило его, и мальчики обрадовались, точно услышали человеческий голос. Стало быть, не одни они здесь между гор и лесов. Где-то близко большой человечий мир, с заводами, с паровозами.

Сережа немедленно обратил внимание на пещеру. Он забрался в нее. Внутри оказалось так просторно, что могли поместиться человек десять. Совершенно очевидно было пребывание в ней человека: у входа серел пепел и белели кости. Может быть, здесь-то и зарыли разбойники свой клад. Сережа попробовал ножом разрыть там, где почва поддавалась, но ничего не нашел.

С чувством досады вернулся он к Алеше. Тот по своей привычке собирал камешки. У него уж были полны карманы.

— Пойдем на верх горы,— заявил неутомимый Сережа. Они стали карабкаться вверх. И, наконец, забрались в такую чащу, что едва протискивались сквозь ветви и сучья.

— Я дальше не пойду,— сказал Алеша.

— Ну, оставайся и жди меня тут.

— Нет, я с тобой.

Так они обошли всю гору. Горечь и обида не давали покоя Сереже. Напрасно он пошел с одним ножом, надо было взять лопату и топор. В следующий раз он будет умнее. Пришлось отправляться домой ни с чем. Но вот вопрос: как? Дорогу он позабыл.

Нет ничего хуже, когда не знаешь, куда идешь. Усталые, голодные и разочарованные, братья сидели у подножья Волчьей горы. Ни тот, ни другой не обратили внимания на дикого козла, который, подняв рогатую голову, остановился на мгновенье на скале, освещенной солнцем, и, вдохнув нежными ноздрями воздух, скрылся в кустах.

И вдруг совсем близко послышалось:

— Хо-хо! Алеха! Сережа! Где вы?

— Здесь! — закричали братья. Кусты затрещали, расступились, и появился дедушка.

— Срамцы! Выпороть бы вас обоих,— сказал он.— Мысленное ли дело, в какую даль забрались.

Когда искатели клада вернулись в дедушкин дом, их встретила тетя Соня с заплаканными глазами.

— Как тебе не стыдно, Сережа,— сказала она слабым голосом.— Я всю ночь не спала из-за вас. Где вы пропадали?

— Я хотел найти клад в Калиновом логу и еще пойду туда,— сказал Сережа твердым голосом.

Но тетя Соня закричала, что она не может больше отвечать за таких скверных мальчишек, что она завтра же едет в город и увезет их с собой. Бабушка стала упрашивать ее.

— Да что ты, милушка, они больше не будут. Верно, Сереженька?

Сережа, потупившись, молчал.

На другое утро тетя Соня конвоировала братьев на разъезд. Они грустно простились с дедушкой и бабушкой, которые дали им на дорогу доморощенных яблок. Алеша держал их в руках, потому что карманы были туго набиты камнями.

Так они с Сережей сели в вагон. В одном купе с ними оказались два молодых человека. Один из них с такими же светлыми, озорными глазами, как у Алеши, спросил тетю Соню, указывая на обоих братьев Кунгуровых:

— Это ваши потомки?

Тетя Соня покраснела.

— Нет, что вы? Они ведь уже большие: старший в четвертом учится, а младший в школу нынче пойдет. Это мои племянники.

— Так, так! Как тебя зовут, молодой человек?

— Алеша.

— Очень приятно, а меня дядя Саша. Что это у тебя карманы так оттопырились?

— У него там, наверное, камни. Всякую дрянь собирает,— сказала тетя Соня.— Давай-ка выбрось все в окно, а яблоки положи в карманы.

Алеша вздохнул и начал освобождаться от груза. Он выложил свои сокровища из обоих карманов. А незнакомый дядя, назвавшийся Сашей, с интересом рассматривал его находки. Один из камешков особенно заинтересовал его.

— Посмотри-ка, Петя!— обратился он к товарищу.— Что ты скажешь?

— Ничего не скажу,— отозвался тот лениво,— обыкновенный полевой шпат.

— Сам ты шпат! Неужели ты не знаешь, что это за штука? Вглядись-ка!

— А ведь и в самом деле... Где вы нашли этот камешек, ребята?

Тут в разговор вступил Сережа.

— В Калиновом логу.

— Зачем вы туда ходили?

— Клад искали.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся дядя Саша.— Я почему-то так и подумал. Я в детстве тоже этим занимался. Клад вы, конечно, не нашли, а вот этот камешек стоит самого редкого клада.

Остальные пассажиры тоже заинтересовались, и Сережа с Алешей неожиданно для себя оказались героями дня.

— Мы организуем в эту местность экспедицию,— говорил дядя Саша.— И знаете, что там будет через год? Рудник, потом завод, потом город... Ведь это же замечательно!.. Вы понимаете, ребятишки, что вы нашли? Если ваша находка послужит началом для промышленной эксплоатации, так вы знаете, что это значит...

И все заговорили о том, что край наш очень богат и что еще много можно открыть в его недрах. Сережа спросил дядю Сашу:

— Как вы узнали, что это за камень?

— А вот выучишься, и ты будешь читать каменную книгу. Это, брат, поинтереснее разбойничьих кладов.

Сережа смотрел на мелькавшие за окном, поросшие хмурым ельником, горы, и в голове его рождались увлекательные замыслы о новых путешествиях и новых подвигах. А о чем думал Алеша, трудно сказать — он жевал яблоко, подаренное дедушкой, и болтал ногами.

— Сиди как следует,— строго заметила ему тетя Соня.

И виновник замечательного открытия послушно опустил ноги.

Дома их не ждали. Мама тревожно оглядела сыновей.

— Натворили что-нибудь?

— Сейчас расскажу,— ответила тетя Соня, снимая шаль.

Алеша не стал слушать. Он сам мог кое-что рассказать. Боря заглянул в полуоткрытую дверь.

— Заходи!

Боря вошел. Разве не любопытно узнать, где побывал товарищ?

— Мы с Сережей по горам ходили, змею видели...

Это было до того интересно, что Боря посмотрел на приятеля с искренней завистью. А если бы он знал тайну Калинового лога? Но этого-то Алеша и не сумел рассказать.

Борис Рябинин — *Рисунки М. Щировского*

— Ешь, не модничай,— угощал Михей внука, накладывая на тарелку горку душистых полновесных сотов.— Промялся, небось, за день-то! Намазывай толще. Хороший ноне мед, гречишный. Такой не каждый год родится.

Нежные восковые соты сминались под ножом и истекали медом. Искрясь на солнце, мед медленно уходил из глубоких шестигранных ячеек. Тягучий, густо-желтый, он медленно наполнял тарелку и неохотно отпускал ложку.

В раскрытое окно сердито влетела пчела и шлепнулась в тарелку. Федя поспешно отдернул руку.

— Не бойся, не тронет,— успокоительно сказал дед.— На что ты ей? У нее своя забота: она на мед летит. Издалече его, шельма, чует.

За окном послышались шаги. В освещенном солнцем четырехугольнике появились две головы в фуражках с зелеными околышами.

— Полдничаешь, дед! — приветствовал первый пограничник.— С хорошей погодкой тебя!

— Э, да у тебя, дед, гости,— сказал второй, заглядывая в окно.

— Внука потчую, из деревни прибежал. И вас милости просим, заходите медку попробовать. Свежатинка, только из улья вынул!

Пасечник пригладил ладонями свои короткие седые волосы, которые у него всегда торчали в разные стороны, и, высунувшись из окна, дружески поздоровался с пограничниками за руку. Федя на минуту забыл о меде и с чувством тайного восторга, смешанного с завистью, уставился на неожиданных, но всегда желанных гостей. Все пленяло его воображение: и острые, граненые штыки, кончики которых виднелись в окне, и аккуратные погоны на плечах, и красные небольшие звездочки над лакированными козырьками.

— Некогда, дед,— ответил на приглашение хозяина первый пограничник, низенький, краснощекий с круглой, как шар, бритой головой, которую он обнажил, чтобы стряхнуть капельки пота со лба.

— Служба,— поддержал второй, сухопарый и жилистый, с худым скуластым лицом, с погонами старшины.

Низенький надел фуражку и, обтерев платком шею, спросил:

— Летают пчелки?

— Летают, чего им делать,— охотно отозвался дед.

— Хороший нынче денек, спокойный и теплый. Пчела такой любит,— понимающе сказал сухопарый.— Овсы цветут, гречиха в поре. Самое время взяток брать. Ночью ничего не примечал, дед? Ночь неспокойная была.

— Ох, и ветреная! — быстро заговорил словоохотливый дед.— У меня на пасеке сухую елку сшибло. Давно собирался на дрова вырубить. Ладно, не на ульи пала...

— Я не о том...

— Нет, вроде не примечал...

— Ну, нам пора. Бывайте здоровы.

Пограничники откозыряли, вскинули винтовки и исчезли. Окно опустело. Федя долго прислушивался: не вернутся ли? — но снаружи доносилось лишь громкое щебетанье какой-то пичужки да с монотонным жужжанием сновали по комнате мухи. Пчела, насосавшись, тяжело оторвалась от меда и, сразу же нацелившись на солнечный четырехугольник, улетела.

— Пей молоко, да пойдем на пасеку вощину ставить,— сказал Михей.

Старик пододвинул к мальчику кринку вареного молока, покрытого розовыми поджаристыми пенками, и ушел за перегородку, где у него хранилась всякая пчеловодная утварь. Федя тотчас же последовал за ним.

Так было интересно разглядывать все, что хранилось в клетушке за перегородкой! Это было царство деда Михея. В углу на столике лежа-

ли щипцы, ножницы, мотки тонкой блестящей проволоки. На полке стоял закопченный, потемневший от времени дымарь, желтела стопка нежной, пахнущей воском, вощины — искусственной заготовки сотов. На стене висели две сетки, которыми, впрочем, сам дед Михей никогда не пользовался, чистый холстяной фартук и несколько связок душистых сухих трав. В корзинке под столом хранились сухие гнилушки для дымаря. На табуретке были сложены чистые рамки с вощиной, приготовленные для вставки в ульи.

Зиму старик Михей жил в семье сына, в деревне. С наступлением теплых весенних дней он переселялся на все лето в избушку на Стеклянной пади, где, в закрытом от ветров месте, была расположена колхозная пасека. Все лето Михей зорко следил за пчелами, снимал рои, менял рамки, чистил ульи, окуривал их какой-то травой, чтобы не завелись нахлебники, качал мед. Он слыл первым пчеловодом в округе и даже в сырые лета умел уберечь своих питомиц от гибельного гнильца и снять до трех пудов меда с семьи. В медоносные годы для него было не редкостью получить по пять-шесть пудов с «пчелы».

Несмотря на свои без малого семьдесят лет, Михей был крепок, подвижен и неутомим. Он не знал, что такое насморк или кашель, целое лето ничем не покрывал голову (может быть, поэтому его стриженые в кружок волосы всегда топорщились во все стороны), зато потом сразу влезал на всю зиму в овчинный полушубок и ушастую, мехом наружу, шапку. Валенки же он предпочитал всякой другой обуви даже летом. Валенки у него были особые,— Федя ни у кого не видал таких! Старинные, белой шерсти, с замысловатыми малиновыми разводами, подшитые толстой, в два пальца, неснашиваемой подошвой. Они были невероятно тяжелы, но дед не расставался с ними. «Ноги в тепле — всему телу любо»,— говорил он обычно.

Подросший внучонок стал частым гостем в избушке на Стеклянной пади, принося деду молоко, домашнюю снедь, часто оставаясь ночевать с дедом. Ночами здесь протяжно и тихо скрипели ели, где-то ухала птица, воздух звенел от комаров. Федя прятался от них в избушку. Михей же, казалось, их не замечал. «Они меня не трогают, приелся»,— говорил он и вспоминал о том, какое засилье комаров было раньше, когда он только выехал с пчелами сюда.

Федя любил бывать у деда. Здесь было много цветов, на которых неутомимо хлопотали яркие нарядные бабочки, травы были удивительно высоки и душисты. Могучий розовый кипрей целое лето цвел на бугре вокруг избушки. В лощине, почти скрытая ветвями елей, тихо журчала речка. Ели стояли высокие, торжественные, упиравшиеся в

нсью. Каждое лето они одевались тугими остроконечными шишками, а осенью и зимой роняли их.

Однажды Федя вспугнул притаившуюся среди густой хвои рыженькую белку. Распустив пышный хвост, она бесшумно перепрыгивала с ветки на ветку, а Федя долго бежал за нею, пока не потерял из виду. Когда он спохватился, что убежал далеко, речка осталась где-то позади, и путь к пасеке был безнадежно потерян. Ох, как испугался Федя! Один в лесу, без дороги... Он только собирался зареветь на весь лес, как вдруг один из ближних кустов зашевелился, и из-за него вышел человек с винтовкой в руках. Федя обмер... и в ту же минуту понял: это — свой, пограничник. Федя не раз видел пограничников, когда они с песнями проходили через деревню. Об их смелости и отваге в деревне рассказывали удивительные истории, и Федя с малых лет проникся уважением к людям в зеленой форме, с маленькой красной звездочкой над козырьком.

Однако встретиться в лесу один-на-один было страшно даже с пограничником. Впрочем, страхи быстро рассеялись.

— Заблудился? — участливо спросил незнакомец.

— Не... я белку ловил,— схитрил Федя.

— А-а... Откуда ты?

— С пасеки.

— Чьей?

— Да нашей. Дедушку Михея Иваныча не знаешь, что ли?!

— Теперь знаю,— усмехнулся пограничник.— Дорогу обратно найдешь?

— Мне бы речку...— дипломатично ответил мальчик.

— Речка вон, за елками.

И верно, речка была рядом. Феде стало стыдно за свой недавний испуг. Но оказалось, что забежал он все-таки далеко. Пограничник довел его до пасеки и сдал деду на руки, посоветовав пожурить, что Михей тут же и сделал.

С того дня тайная симпатия мальчика к пограничникам возросла еще больше. Пасека находилась недалеко от государственной границы, и бойцы по дороге с заставы на пост частенько заглядывали во владения деда. Все это было очень приятно. Одно плохо: Федя очень боялся пчел. Правда, среди его сверстников не было, пожалуй, ни одного, который бы не боялся их, но внуку знаменитого пчеловода надлежало быть другим — такого мнения придерживался Михей. И каждый раз, когда мальчик приходил в избушку на Стеклянной пади, дед старался приучить внучонка к своему хитрому искусству.

Сегодня они шли сменять рамки. Дед, держа в одной руке рамки с вощиной, в другой — дымарь и сетку, шаркал своими валенками впереди, а Федя покорно семенил сзади. Они спустились от избушки по тропинке к речке, перешли через нее по мосточку, сделанному из трех связанных жердей, и очутились на пасеке. На пологом, обращенном к югу склоне лощины рядами стояли маленькие, двухскатные домики на высоких ножках. Заросли черемухи, ивняка и ольхи укрывали их от ветра с трех сторон. С четвертой стороны, сразу за последним рядом, начиналась обширная, покрытая цветущей ромашкой и желтыми полевыми цветами, слегка покатая к речке луговина. Оттуда, как метеоры, неслись одна за другой отягощенные грузом пчелы.

Порой ветерок наносил нежный и приторно-сладкий запах. На взгорье, за луговиной, виднелось поле с гречихой; стояла пора цветения, и пчелы собирали богатую дань.

День стоял неподвижный, распаренный,—один из тех июльских знойных дней, когда все живое охвачено истомой и прячется в тень. Но пчелам — раздолье. Тепло для них — жизнь. Сбор меда был в полном разгаре. Летки ульев были черны от облепивших пчел, воздух гудел от полета маленьких неутомимых тружениц. Как пульки, ударялись они об улей, иногда не попадая с лёта прямо в леток, падали на землю и долго беспомощно копошились, прежде чем снова взлететь. Иным так и не удавалось это сделать, и они добирались до дому пешим порядком; на этот случай пчеловодом были заботливо положены мостки от земли к летку.

По мере приближения к ульям Федя становился все более беспокойным. Он пугливо озирался по сторонам, стараясь поспешно уклониться от летевших навстречу пчел. Совсем по-другому вел себя Михей Зоркими, глубоко посаженными глазами он внимательно оглядывал свои владения, замечая даже самые ничтожные изменения.

— Ты пчел не бойся,— поучал старик внука.— Махаться не будешь, и они не тронут. Ну, а ежели и ужалит какая, здоровей будешь! Пчела, она всем полезна.

Но Федю не очень успокаивали эти заверения. Он надолго запомнил, как его раз ужалила пчела. Тогда он отчаянно ревел, махал руками, пчела не отставала; затем жужжание раздалось у самого уха, и щеку пронзила резкая боль. И хотя пчела была раздавлена отчаянным движением руки и подоспевший дедушка ловко вытащил своими толстыми пальцами жало, щеку палило как огнем, а потом так раздуло, что все лицо съехало набок.

Оглядывая кряжистую фигуру деда, Федя думал: «Ему хорошо, он большой. Его и пчелы не трогают...» И старался двигаться как можно осторожней, даже меньше дышать.

Пасечник задержался на минуту около упавшей ночью елки. Сильные и внезапные ветры не редкость в здешних местах. Ночью пронесся ураган, а день ничем не напоминал об этом, если бы не сваленное дерево. Дед хозяйственно собрал в кучу обломившиеся при падении сучки, прикинул вслух, на сколько времени хватит топить печь этими сучками, и пошел дальше.

Выбрав семью, где лёт был особенно силен, Михей прислонил к улью рамки с вощиной и разжег гнилушками дымарь. Из отверстия дымаря поплыла кольцами сизая струйка. Приятно запахло теплым дымком. Сетку пасечник протянул мальчику.

— Надень на всякий случай. Помогать будешь. Я в твои-то годы рои уже снимал.

Сам он остался без сетки. Опахнув из дымаря леток, он начал не спеша раскрывать улей. Снял и положил на траву крышку, вынул теплую глухую прокладку, затем осторожно вытянул кверху рамку с сотами. Она была черна от сидящих пчел. Пчелы зашевелились, загудели, поползли по сотам, по рукам пасечника.

— Ой, ужалят! — вырвалось у мальчика.

— Не ужалят. Они меня чуют.

Федя с восхищением и испугом следил за действиями деда. Он видел все это уже не в первый раз, но никак не мог привыкнуть к такой безрассудной, на его взгляд, смелости.

Однако пчелы, как видно, и вправду не собирались причинять вреда деду. Он любовно перебирал одну рамку за другой, заменяя некоторые новыми. Замешкавшуюся на руке пчелу он осторожно снял заскорузлыми пальцами и посадил к летку, и та не обнаружила никаких признаков недовольства.

— Тревожить часто не надо, в улей без дела не заглядывать,— поучительно говорил он между делом.— Особенно в плохую погоду пчелок тревожить не надо, вот они и сердиться не будут. Они умные, не гляди, что маленькие. Опять же пчела не всякому дается. Руку надо иметь. Не каждый к этому делу способность имеет. Вот рой, к примеру. Другой окуривает его, сетку на себя наденет, и то не сымет толком. А я подойду, сыму, и ни одна пчела не пошевелится... Да ты чего там копаешься? Я кому говорю-то? — вдруг рассердился он, увидев, что внук не слушает его, а стоит на дорожке и, нагнувшись, что-то внимательно разглядывает.— Нашел чего?

— Нашел... Пуговицу.

— Пуговицу?

Михей снял руки с улья и пожевал губами.

— Дай-ка сюда.

Поднеся находку близко к глазам, он сосредоточенно осмотрел ее со всех сторон, даже поскреб ногтем.

— От штанов, должно, потерял кто. Чего написано-то тут? — спросил он, заметив крохотные выпуклые буквы, выбитые по ободку.

— Мы... гы...— принялся разбирать Федя.— Мы... ды... Мелко шибко не пойму я.

— Не по-нашему, что ли?

— Не по-нашему, знать-то...

Лицо пасечника стало серьезно. Он был чем-то встревожен и испытующе оглядывал из-под мохнатых бровей ничего не понимавшего внука.

— Вот что: беги вдогонку товарищам пограничникам, которые у нас были, и передай им эту пуговицу.

— Не догнать мне их.

— Догонишь. Побежишь по ключику. Не забыл, где в прошлом годе потерялся? Беги и ухай. Они там должны быть — услышат тебя. Скажешь: так, мол, и так, дедушка Михей Иваныч велел передать. Нашли на пасеке. И передашь в руки. А там уж они знают, что делать. Да живо у меня — одна нога здесь, другая там!

Федя не заставил деда повторять приказание. Сбросив с головы сетку, придававшую ему сходство с тонконогим грибом-опенком, мальчик зажал в кулак пуговицу и сорвался с места. Сбежав к мостику, он пустился берегом речки (ее-то Михей и называл «ключиком»). Сначала он мчался так, как будто за ним гнались, но с каждым поворотом речки бег его замедлялся. Высокая трава путалась под ногами, ветви больно стегали по лицу. Чтобы они не выкололи глаза, приходилось сгибаться чуть не до земли...

Смутно Федя начинал понимать, почему растревожился дед. Об этом он слыхал на деревне и от взрослых, и от ребят. Федя вдруг почувствовал себя в центре каких-то серьезных событий, о важности которых он мог только догадываться. Из-под ног выпорхнула большая серая птица, должно быть, тетерка, но мальчик не остановился. Веснушчатое лицо его раскраснелось и покрылось капельками пота. Он запыхался и ловил воздух широко раскрытым ртом. Рубашка выбилась из-под ремня и трепалась по ветру.

Речка круто повернула вправо и скрылась в ельнике. Ага, вот и прошлогоднее место, где он потерял белку: вот бугор, заросший заячьей

капустой и кукушкиным льном, кусты рябины... Вспомнив о белке, Федя бросил взгляд на вершины деревьев, споткнулся о гнилую корягу и с разбега едва не проехался носом по земле. Кулак разжался, пуговица выскользнула и исчезла среди травы и сухой хвои.

Федя кинулся ее искать. Он исколол себе все пальцы, ползая по земле. Напрасно! Пуговица как сквозь землю провалилась. Сдерживаясь, чтобы не зареветь от досады и огорчения, мальчик еще и еще перебирал колючие сухие хвоинки.

— Чего потерял?— неожиданно раздался над ним знакомый голос.

Федя вздрогнул и вскочил на ноги. Перед ним стояло странное существо, неуклюжее, пятнистое, облепленное зелеными веточками. Федя растерялся. Но тут он увидел между веточками смеющееся лицо, кончик лакированного козырька и узнал низенького пограничника, приходившего сегодня на пасеку.

— Пуговицу,— ответил мальчик.

— От штанов, что ли, отпала?

— Не... сам уронил.

Пограничник весело рассмеялся. Потом внезапно стал серьезен и сурово спросил:

— Ты куда с ней направился? Здесь не место в игрушки играть. Вот возьму да отведу на заставу!

— Дяденька, товарищ командир...— быстро заговорил мальчик.

— Да я еще не командир.

Но Федя не слушал и, глотая слова, торопился выложить, что ему было наказано.

— Дедушка Михей Иваныч велел пуговицу вам передать...

— Пуговицу?! — удивился пограничник.

— Ага, пуговицу. Мы ее на пасеке нашли.

Пограничник насторожился.

— Ну...

— Не наша пуговица, слова нерусские на ней...

— Давай живо сюда.

— Уронил я ее.

— Фу, чорт! Держал бы крепче! Где уронил-то? Давай живо искать.

Федя мигом очутился на четвереньках и возобновил поиски. Пограничник, перебросив винтовку в левую руку, также опустился на одно колено и принялся шарить по земле. Или он был удачливее, чем Федя, или глаза у него были острее, но пуговицу нашел он. Поднявшись с ко-

лена, он повертел ее в руках, пробежав взглядом крохотные выпуклые буквы.

— Так. Понятно. Где, говоришь, нашли?

— На пасеке.

— Когда?

— Недавно, вот.

— Понятно. Товарищ старшина, серьезное дело получается,— повысив голос, сказал пограничник куда-то в сторону.

— Слышу,— отозвался вдруг куст, вблизи которого стояли боец и мальчик. Сдвинувшись с места, он пошел прямо на них.

Федя невольно попятился. Но куст, встряхнувшись, отбросил назад утыканный ветками капюшон, под которым оказалась знакомая голова в фуражке с звездочкой. Пятнистый маскировочный халат, изукрашенный ветвями рябины и ольхи, делал старшину совершенно незаметным в нескольких шагах. Он слышал весь разговор и уже составил план действий.

— Нужно немедля привести Корда и взять след. Я буду здесь. А ты беги к дедушке. Скажешь, что задание выполнил, все будет в порядке.

Лица пограничников были сосредоточены и суровы. Выслушав приказание, низенький повторил:

— Есть, привести Корда!

И, придерживая полы халата, исчез за бугром.

— А тебе, малец, спасибо,— сказал старшина Феде.— И деду передай спасибо. Дорогу назад найдешь?

— Найду.

— Ну, беги.

Федя не чувствовал под собой ног от радости. Он выполнил важное поручение! (Что поручение было важным, Федя уже нисколько не сомневался.) Он разговаривал с пограничниками! А, дедушка-то... Вот молодец! И как он сразу догадался? Занятый своими мыслями, Федя не заметил, как миновал бесчисленные повороты речки и, срезав часть пути напрямую к мостику, взбежал на горку к пасеке. Здесь он немного перевел дыхание, ища глазами деда, и только раскрыл рот, чтобы крикнуть, как внезапно ноги его остановились сами собой, а язык сделался деревянным и непослушным...

Он не сразу понял то, что увидел.

У края пасеки, где начинались кусты и деревья, в нелепой и напряженной позе, лицом к ульям, стоял дедушка. Руки его были почему-то подняты кверху, у ног разбросаны рамки. В стороне валялся дымарь

Из него еще вилась слабая струйка дыма. Легкий ветерок чуть шевелил волосы на голове деда. Кругом было тихо, только попрежнему гудели занятые своим делом пчелы.

Тишину нарушил чей-то незнакомый и угрожающий голос:

— Я тебя спрашиваю в последний раз: где дорога на станцию? Отвечай, или буду стрелять!

Федя окаменел. Затем он услышал медленный и спокойный голос деда:

— Стар я, чтобы меня смертью пугать. А дорога к станции одна, вон туда, за лесок...

— Врешь! Я знаю, куда ведет эта дорога. Она идет к заставе.

— А знаешь, так что спрашивать.

— Застрелю!

— Дело не хитрое. Только смотри, услышать могут.

Послышалось длинное скверное ругательство.

Феде стало страшно. Захотелось убежать домой, к матери. Но он тотчас же устыдился этой мысли. А что скажут дома? Оставил дедушку в беде... Вот, скажут, герой!

Все эти мысли молнией пронеслись в мозгу мальчика. Вслед за тем он вновь услышал разговор за кустом.

— Слушай, что я тебе скажу,— говорил чужой голос (теперь он не угрожал, а уговаривал).— Не упрямься. На, вот, возьми денег. Тут их много, хватит на всю жизнь. И скажи мне, где дорога на станцию. Никто не узнает об этом.

До ушей мальчика донесся шелест бумажек. Федя, не дыша, ждал, что скажет дед.

Пасечник медлил с ответом. Он, казалось, обдумывал сделанное ему предложение.

— Скорей! Время не ждет! — торопил чужой.

— Да куда мне их? В гроб, что ли, с собой класть?

— Дьявол! Старый хрыч! Все равно подохнешь.

— Всем помирать придется,— философски заметил Михей.

«Вот молодец дедка! И не боится?! — мелькнуло в голове у Феди.— Посмотреть бы, с кем он разговаривает...» От этой озорной мысли и близкого успокаивающего голоса деда страх как-то сразу отпустил сердце мальчика. Федя наклонился, юркнул под деревья и, опустившись на четвереньки, быстро пополз по направлению к разговаривающим. Хрустнула веточка. Федя замер. Но нет, кажется, никто не услышал. Он пополз дальше, бесшумно втянулся в куст и, чуть раздвинув ветви, глянул одним глазом. В двух метрах от себя он увидел обыкновенные смаз-

ные сапоги со следами засохшей грязи на голенищах. Федя раздвинул ветки смелее и перевел взгляд выше. Сапоги принадлежали невысокому коренастому человеку с бритым лицом, на котором выделялся длинный и тонкий, как у птицы, нос. Человек был одет в темную тужурку и кепку. По одежде он походил на рабочего. «Самый обыкновенный»,— разочарованно подумал Федя. Но тут он увидел то, что вначале заслоняла от него нависшая перед глазами веточка,— длинный, тонкоствольный револьвер в руках у неизвестного. Этим револьвером неизвестный угрожал дедушке.

Вот почему у того были подняты руки!

Дед, видимо, уже устал стоять с поднятыми руками и слегка покачивался. Лицо его было спокойное, только маленькие глазки еще глубже запрятались под бровями.

У Феди больно сжалось сердце. Милый добрый дедушка, что-то с ним теперь будет!.. Мальчик глубоко ощутил свою беспомощность. С трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать, он припал к земле. Его щека коснулась чего-то твердого и плоского. Это была ножка улья. Только сейчас Федя заметил, что лежит позади улья, почти вплотную к нему. Оглушенный всем случившимся, он забыл и о пчелах, и о том, как они жалят... А между тем они были здесь, совсем близко, улей глухо гудел. «А что, если выпустить их на чужого? — подумал мальчик. — Нет, нет, это страшно! Да это и невозможно...»

Голос деда опять привлек его внимание.

— Ничего ты от меня не получишь. Ступай лучше подобру-поздорову.

— А вот посмотрим. Умирать-то никому неохота. Даю тебе две минуты срока. Думай.

Медленно тянулось время. Федю обуревали самые противоречивые желания. Выскочить, вцепиться зубами в проклятую руку с револьвером! Да куда там, все равно не справиться, не успеть, застрелит... Может, выйти и просить не трогать дедушку?.. Не поможет... Разве разжалобишь такого!

Федя вздрогнул, услышав зловещий голос:

— Две минуты прошло. Скажешь?

— Не скажу.

— Ну, так пеняй на себя!..

«Убьет! — вздрогнул Федя. Он приподнялся, лихорадочно ища, что бы такое сделать.— Улей толкнуть, что ли? Страшно! Зажалят до смерти...»— тоскливо подумал мальчик и с решимостью отчаяния, зажмурившись, толкнул изо всех сил островерхий дощатый домик.

Улей грохнулся набок. Крышка и теплая прокладка отскочили и раскатились в разные стороны. Несколько рамок от толчка вылетели на траву. Черным, гудящим роем взлетели разъяренные пчелы.

Но Федя не видел этого. Захватив лицо руками, он плашмя лежал под кустом, ожидая страшной кары. Однако кары не было. Вместо этого послышался шум какой-то свалки, словно кто-то с остервенением бил себя руками по бокам. Крики боли, проклятья смешались с яростным гудением пчел. Затем раздался быстрый удаляющийся топот, и все стихло.

Минуту Федя еще лежал ни жив, ни мертв. Потом нерешительно поднял голову. Все было тихо. Лишь жужжали одиночные пчелы да что-то слегка шелестело в траве. Федя пошевелился, тихонько начал пятиться назад, выполз из куста, все еще не понимая, что произошло в результате падения улья, и, наконец, выбрался к первоначальному месту. Поднявшись, он увидел деда. Дед стоял на дорожке и беззвучно, по-стариковски смеялся.

— Убежал! Ох, и напонужают они его! Света белого невзвидит...

Увидев растерянную фигуру внука, Михей перестал смеяться и строго спросил:

— Ты где долго пропадал?

Но, посмотрев по направлению взгляда мальчика, он сразу обмяк.

— Так это уж не ты ли?..

Федя виновато опустил глаза. Он не знал, радоваться ему сейчас или печалиться. Еще как-то взглянет дед на порчу улья...

Громкий, торопливый топот заставил пасечников обернуться. Из-за речки бежал человек с собакой. Собака походила на волка. Она немилосердно тянула длинный ременный поводок и громко и часто дышала.

— Тихо, Корд, тихо! — успокаивал ее пограничник. Он едва поспевал за нею. Следом показалась группа бегущих с винтовками наперевес бойцов с долговязым старшиной во главе.

— Он туда побежал! — закричал Федя, показывая рукой, куда скрылся нарушитель границы.

— Погодьте, а то и вам достанется,— остановил пограничников Михей.— Он весь рой за собой увел! — И пасечник в нескольких словах рассказал окружавшим его бойцам о том, что произошло на пасеке.

— Далеко не уйдет,— сказал старшина, выслушав Михея.

— Куда там! Жив бы только остался. Ему сейчас одно спасенье в воде. Там его и ищите.

— Не уйдет,— повторил старшина.— Там тоже наряд выслан. Он нынче всю ночь по лесу бродил. В ураган границу перешел, а дальше заплутался. Хотел на станцию попасть, а угадал на пасеку.

— Хороший нынче взяток! — подмигнул низенький пограничник, с трудом удерживая рвущуюся овчарку.

— Да, неплохой,— согласился дед.

— Испугался, поди?

— Спотел маленько.

— А ты? — обернулся старшина к Феде.— Ты у нас герой!

Федя стоял рядом с дедом и смущенно улыбался.

А. Кузнецова *Рисунки Ю. Соколова*

1

В лесах сверкает золото,
В логах лежит туман.
Пернатые от холода
Летят за океан.
В саду, морозцем скованный,
Заброшенный гамак.
Палатки запакованы,
На мачте спущен флаг.
Прощай, раздолье вольное,
Горячие деньки!
Спешат за парты школьные
Везде ученики.

2

Нас ждут заботы новые
И радости зимы.
Веселые, здоровые
Домой вернемся мы.
С отличными отметками
Пройдет учебный год.
Вперед рядами крепкими!
Вперед, друзья, вперед!
Прощайте, дни привольные,
До будущей весны.
Спешат за парты школьные
Ребята всей страны.

За книгой

Е. Трутнева *Рисунки Е. Гилевой*

В садах поблескивают лужи,
Дохнуло холодом с реки.
Перед приходом зимней стужи
Привыкли хмуриться деньки.
Как хорошо в ненастный вечер
Сидеть за книгой у стола,—
Учить про дюны, горы, глетчер,
Про море и его дела.
Узнать, как предки наши жили,
Какую, с кем вели войну
И как в поход они ходили,
Как побеждали в старину,
И древних городов названье,
И кем построены они.
А после, затаив дыханье,
Читать рассказ про наши дни!
Посвистывает ветер птицей,—
Соскучился в печной трубе...
И мир, страница за страницей,
Вдруг открывается тебе!

Букварь

Пестрый мяч с утра не в духе,—
Скучно, грустно толстяку!
Преспокойно дремлют мухи
На его тугом боку.
Смотрит солнышко в окошко,
Залетает ветерок...
За окном видна дорожка,—
Вот бы прыгнуть за порог!
Кувыркаться на лужайке,
Улетать под облака.
И не стыдно ли хозяйке
Забывать про толстяка!
Не играет на дворе.
Не бежит за ним вприпрыжку.
А хозяйка смотрит в книжку,
На страничку в букваре.
Буквы, палочки, колечки...
По слогам читать легко!
Точно милое словечко
Кто-то шепчет на ушко.
Разговаривает книжка,
Как живая говорит!
На страницах — воробьишка,
Конь, река, костер горит.
Буква к букве, к букве буква, —
Получаются слова:

«Ма-ма», «Лес», «Бе-рё-за», «Клюк-ва»,
«Па-па», «Ро-ди-на», «Мос-ква»...
Чуть с постели — книжку в руки!
У ворот подруги ждут.
Это первый шаг к науке,
Первый класс и первый труд!
Подожди, веселый мячик,
Поскучай один пока.
Вечерком опять поскачешь,
Полетишь под облака!..

А. Кузнецова *Рисунки Ю. Соколова*

Через кочку топ-топ!
Через лужу — шлёп-шлёп!
Шел лисенок по лесам,
Лез лисенок по кустам.

Вот утиный след-след!
Только уток нет-нет!
Нет ни зайцев, ни мышей,
Нет ни белок, ни ежей!

Елка веткой скрип-скрип!
А под елкой гриб-гриб!
Раз вкусней обеда нет —
Гриб годится на обед.

Был лисенок мал-мал!
Он устал и спал-спал.
Всем лисятам спать пора —
До утра.

Золотая ручка

К. Васильева *Рисунки Е. Гилевой*

У Маши была простая деревянная ручка, окрашенная в зеленый цвет. А у Любы, ее подружки, ручка была из небьющегося стекла-плексиглаза. Очень легонькая и беленькая, как первый снежок.

И Маша все просила своего дедушку:

— Купи мне такую же хорошенькую ручку.

Дедушка, наконец, пошел в магазин, но там сказали:

— Разве такие нарядные ручки долго улежат на прилавке? Их мигом раскупили. Ждем еще партию ручек, но когда получим — неизвестно.

Дедушка, увидев, что его любимица опечалилась, сказал:

— Нашла о чем горевать. Да я тебе еще получше сделаю. Вот съезжу на гору Таганай, найду там камень-искряк и выточу из него золотую ручку. Погоди немного.

Дедушка был старый гранильный мастер. Всю жизнь он гранил драгоценные камни: рубины, топазы, турмалины, аквамарины и еще много других. Урал ведь бесконечно богат камнями-самоцветами.

Дедушка уже не мог работать на гранильной фабрике. И ему разрешили брать камни домой. Он гранил их на своем старинном ручном станочке.

Умел он также вытачивать из цветного камня разные мелкие изделия: брошки, бусы, пуговицы. Дома у него был всякий инструмент, оставшийся еще от отца.

Маша знала, что дедушка не будет зря говорить. Раз обещал, то сделает. И больше ему не досаждала просьбами.

Как только стало потеплее, дедушка собрался в путь. Надел на плечи кожаную сумку, куда сунул молоток и хлеб, взял палку в руки и сказал внучке:

— Ну, Маша, я поехал в Таганай. Жди меня.

Он ушел на вокзал, чтобы по железной дороге доехать до города Златоуста, а оттуда пешком добраться до горы Таганай.

Маша с нетерпением ждала дедушку и все думала: «а вдруг ему не попадется камень-искряк?»

Но она волновалась совсем напрасно. Гора Таганай, куда отправился дедушка, почти вся сложена из камня-искряка. Целые скалы, утесы, хребты состоят из этой породы. Повсюду, куда ни взгляни, искрятся красные, оранжевые, желтые и белые камни. Горщики потому и назвали его искряком. Ученые же зовут по-другому — авантюрином.

Дедушка не раз бывал на этой богатой удивительной горе и твердо был уверен, что без хорошего камня домой не вернется.

Так оно и вышло.

Не прошло и недели, как он явился с тяжелой сумкой за плечами.

Маша, конечно, сразу кинулась к камню, но, едва взглянув на него, выпустила из рук. Она полагала, что искряк будет сверкать как золото. А он оказался обыкновенным камнем красновато-коричневого цвета, и золотистые искорки в нем едва-едва поблескивали.

— Не надо мне ручки из такого камня. Я лучше старой буду писать.

— Не забегай вперед,— остановил ее дедушка.— Сегодня искорки прячутся от нас, а завтра погляди, как они будут взметывать.

И добавил, усмехнувшись:

— У меня рука самородная. Из ничего чего сделает.

Он любил повторять эти слова. И соседи часто, выглянув в окно, говорили:

— Вон самородная рука опять камешки тащит.

Маша успокоилась. Дедушка был искусным мастером. Сколько раз на ее глазах он превращал в сверкающие самоцветы самые тусклые-претусклые камни.

Между тем дедушка, не торопясь, попил чаю, отдохнул с дороги часика два и затем, так же не торопясь, стал возиться

с камнем. Отколов от него небольшой угловатый кусок, он спросил Машу:

— Такой длины хватит или поболе надо?

— Мне все равно,— сказала Маша и отвернулась.

Ни слова не говоря, дедушка начал осторожно обтесывать кусок острым молотком.

А Маша, быстренько выучив уроки, легла спать. Она все же не верила, что из такого темного неказистого камня выйдет что-то хорошее. Однако она несколько раз с любопытством взглядывала в сторону окна, где шумел, тонко повизгивая, старинный станок.

Ей было видно, как дедушка правой рукой крутил рукоятку, а левой прижимал камень к вертящемуся небольшому кругу. Он обтачивал со всех сторон будущую каменную ручку. Временами он подносил ее к электрической лампочке, висевшей над станком, и, опустив очки на кончик носа, щурясь, разглядывал ее.

Маша заснула, не дождавшись, когда он кончит работу.

Утром она проснулась от какого-то твердого холодка возле своей щеки. Морщась, она отодвинула щеку, но твердый холодок потянулся за ней. Маша открыла глаза и тихо ахнула.

На подушке, мерцая бесчисленным множеством золотистых искорок, лежала круглая отполированная ручка. Более красивой ручки Маша еще не видывала. Искорки вылетали из красноватой каменной глубины и, теснясь наверху, будто перешептывались между собой о чем-то таинственном и чудесном.

— Дедушка миленький, золотой, как я рада! — вскричала Маша, бросаясь на шею деду.

— Ага,— добродушно проворчал он,— сегодня я миленький, а вчера — «не хочу с тобой разговаривать». Вишь, как снопом

выметывают искорки! Сразу жарко стало.

Маша недолго любовалась ручкой. Через минуту она засуетилась: «ах, скорее, скорее в школу». Ей не терпелось показать диковинку своим подружкам.

Дедушка, провожая ее в школу, сказал:

— Смотри, искорки не любят плохих отметок. Схватишь двойку, они потухнут.

Девочки третьего класса, где училась Маша, пришли в шумный восторг при виде золотой ручки. Каждой непременно хотелось погладить ее блестящие прохладные бока и написать ею хотя бы одно словечко. А Люба долго от нее не могла оторваться. Маша сказала своей подружке:

— Я попрошу дедушку, он тебе выточит такую же. У него большой камень.

Учительница Мария Павловна, любуясь ручкой, сказала:

— В прошлом году я ездила в Ленинград и видала там в Эрмитаже огромную чашу из такого же красноватого искрящегося камня. Глаз от нее нельзя отвести. У нас, на Урале, очень много авантюрина. И самый лучший — на горе Таганай. Ни в одной стране нет такого богатейшего месторождения.

Когда начался урок письма, Маша с трепетом взяла свою ручку и в этот день писала, как никогда — красиво и без ошибок.

Золотые окаменелые искры, весело вспыхивая, мерцали на ее ладони. И при взгляде на них Маше вспоминалось горячее летнее солнце, пестрые стрекозки и желтые мохнатые пчелки на цветах.

Константин Мурзиди *Рисунки Ю. Соколова*

Все мои подружки
Часто говорят:
«Как мы любим школу,
    Любим свой отряд!
Ну, а ты, Светлана,
    Любишь или нет?»
Я молчу, краснею...
    Что сказать в ответ?
Правда, я не знаю,
    Что я им скажу.
Я на третьей парте
    С Павликом сижу.
Как-то Павлик вынул
    Перочинный нож,
Начал парту резать...
    Я кричу: «Не трожь!»
И столы я тоже
    Портить не велю.
Говорят, что это
    Школу я люблю.
Нашим третьим классом
    Очень я горда.
Вот они, по звеньям,
    Парты в три ряда,

Карта и картина,
    Глобус и доска.
Комната просторна,
    Даже высока.
Окна все большие,
    Прямо на восток...
Если бы поставить
    На окно цветок,
То еще бы лучше
    Комната была.
Два цветка из дому
    В класс я принесла.
Оботру листочки,
    А потом полью.
Говорят, что это
    Школу я люблю.

Мы над детским садом
    Шефствуем с весны.
Малышам подарки
    К празднику нужны.
А ведь праздник скоро —
    Скоро Новый год.
Радостным, веселым
    Будет хоровод.
Чтобы интересней
    Было малышам,
Делаю игрушки
    Я по вечерам,—
Из цветной бумаги
    Режу и леплю.
Говорят, что это
    Школу я люблю.

Снова мел и тряпка
    У меня в руке —
Часто вызывают
    Отвечать к доске.
На другом уроке
    Вызвали опять.

Правильно решила,
Получила пять.
А потом читала
Живо, без труда.
«Хорошо, Светлана,
Так читай всегда!»
Я пообещала
И не отступлю.
Говорят, что это
Школу я люблю.

Учитель

С. Самсонов *Рисунки О. Коровина*

I

Боря Шилов стоял у двери и беспокойно глядел по сторонам. Ему очень хотелось убежать. «Не останусь я здесь, и все тут»,— повторял он про себя. Но как убежать? В коридоре, у самой двери, сидела пожилая женщина-сторожиха и проверяла пропуска на вход и выход. Она показалась Боре сердитой, придирчивой.

«У этой не удерешь, так и смотри, схватит,— подумал Боря и посмотрел на открытое окно: — Эх, прыгнуть бы, и все тут!»

Но эта надежда на спасение быстро погасла: окно находилось на третьем этаже.

Он думал и проклинал цепкого «придиру»-милиционера. «И как я только попался милиционеру? Зачем вышел из вагона? И все из-за него... Сидел бы, слепой бес, на месте, так нет — вышел, и все тут. Вышел и пропал... Вот и пришлось выйти на перрон искать».

Боря огорчался, что сказал в милиции не так. Ему бы надо сказать, что он едет к деду, как учил слепой, а он ответил: «Езжу потому, что хочу». Ему бы надо сказать, что у него есть мать и что отец служит на войне. Так нет же, Боря не мог говорить неправду и ответил, что он круглый сирота: мать погибла от бомбежки, а отец пропал без вести. Ну, и забрали его, как беспризорника.

Привели Борю Шилова в милицию. Там допрос: кто, откуда, куда едешь, чем живешь, почему не хочешь в детдом? У, сколько спрашивали... А потом милиционер, который поймал его на вокзале, повел Борю куда-то, и вот они пришли в детский дом.

Милиционер скрылся за дверью, на которой Боря по складам прочитал: «Ди-рек-тор». Боря остался в длинном и скучном коридоре. Милиционер сказал: «Подожди здесь». Вот и ждет Боря. А чего ждет? Зачем? Они думают его оставить в этом скучном и сером доме? «Нет, все равно удеру, и все тут»,— решил Боря, оглядываясь по сторонам.

— Пойди-ка, мальчик, сюда! — крикнул милиционер как раз в тот момент, когда Боря уже окончательно решил прыгнуть в окно.

— Тебя как, дружок, звать? — спросил седой старик.

— Борис Шилов,— нехотя ответил мальчик.

— Сколько тебе лет?

— Десятый!

— Родители есть?

— Есть...

— Ты же в милиции сказал, что у тебя нет родителей,— недовольно возразил милиционер.

— Не говорил я,— попытался оправдаться Боря и покраснел.

— Да, как же не говорил? Вот и протокол,— снова возразил милиционер и полез в сумку за бумагами.

— Ну, нет...— со слезами произнес Боря, испугавшись, что сейчас его уличат во лжи.

— Не «ну», а просто «нет» надо сказать, дружок,— мягко поправил седой старик и ласково улыбнулся.

Боря сразу почему-то невзлюбил этого старика с большими синими глазами, смотревшими из-под нависших густых рыжевато-белых бровей.

— Ну-с, так, дружок,— сказал седой дедушка. Он посмотрел на Борю и добавил: — Вот подождем директора и решим, куда тебя определить, а вы, товарищ милиционер, можете итти.

Когда милиционер исчез за дверью и шаги его стали удаляться, Боре стало не по себе. Он хотел выбежать вслед за ним и сказать решительно: «Не останусь здесь, и все тут», но в это время седой старик перебил его мысли:

— Ты что, дружок, такой скучный?

Боря хотел ответить старику какой-нибудь грубостью, но вместо этого выдавил:

— Небось, у вас тут с тоски умереть можно.

— Вот как! Ничего, дружок, обживешься, и все хорошо будет.

— Нет! — коротко отрубил Боря.

Оба замолчали. Старик смотрел на мальчика и о чем-то сосредоточенно думал, а Боря стоял, опустив голову. У него было такое состояние, точно он лишился памяти и способности думать. Глаза были откры-

ты, но видели всего-навсего какой-то блестевший на ковре кругляшок вроде двадцатикопеечной монеты.

— Ну-с, дружок, давай знакомиться по-настоящему,— произнес наконец, седой старик нежно и просто.

— А я не хочу знакомиться,— уныло возразил Боря, не поднимая головы.

— Меня зовут Илья Ильич,— говорил старик, словно не слыша ответа Бори.— Я учитель, дружок, твой будущий учитель, если хочешь.

— Не хочу! — коротко и определенно высказался Боря.

Илья Ильич вышел из-за стола и подошел к Боре. Он положил свою высохшую белую руку на его плечо и, глядя на Борину голову с грязными нестрижеными волосами, сказал:

— Ты, дружок, напрасно сердишься. Да-с, напрасно. У нас, дружок, хорошо тебе будет. Учиться будешь, работать, расти.

Илья Ильич погладил Борю по голове и неожиданно спросил:

— Читать умеешь?

— Нет,— ответил Боря и мотнул в сторону головой так, что рука учителя повисла в воздухе.

— Ну-с, а писать? — спокойно спросил учитель.

— Ничего не умею. Ни писать, ни читать, и все тут!

— И считать тоже не умеешь?

Боря не ответил.

— Сто разделить на две части,—сколько будет, дружок? — спросил Илья Ильич, как бы выясняя знания мальчика.

— А мне зачем знать, сколько будет? — ответил Боря, хотя хорошо знал, что будет пятьдесят. Ведь слепой и он делили деньги поровну. Бывали дни, что они и сто рублей собирали по вагонам, и тогда Боря делил деньги пополам, по пятьдесят рублей. Сейчас он твердо решил грубить Илье Ильичу, а почему и сам не знал. Просто ему не хотелось, чтобы его оставили в детдоме.

II

Директор не приходил. Илья Ильич пытался говорить с Борей, расспрашивал его, почему Боре не хочется остаться в детдоме, убеждал, что здесь будет неплохо. Но чем больше Илья Ильич говорил, тем сильнее грубил Боря.

Наконец, вошел директор, осторожно ступая несгибающейся левой ногой. Он был высок ростом, в кителе защитного цвета. На левой стороне груди в два ряда разместились разноцветные колодочки. Учитель стал рассказывать ему о Боре. Директор внимательно слушал, изредка бросая на Борю пристальный строгий взгляд. Поймав этот взгляд, Боря подумал: «Злой, еще бить будет...»

Потом Илья Ильич повел Борю на четвертый этаж. Там он попросил дежурную подготовить постель новому мальчику, подстричь и выкупать его, дать чистое белье.

Как только Боря услышал, что его хотят подстричь, он сразу про все забыл и крикнул:

— Не дам стричь себя, и все тут!

— Почему, мальчик, ты такой упрямый? — спросила женщина, заправлявшая кровать.

— Не хочу, и все тут,— повторил Боря, почти взвизгивая.

— Ну-с, дружок, я думаю, ты мальчик умный, поймешь, что это же для тебя лучше, а завтра я проверю. Приходи с мальчиками вместе на уроки во второй класс.

Борю заставили сесть на стул и машинкой остригли длинные грязные волосы. После купанья он ходил ужинать с ребятами и удивился, что на столе было вдоволь хлеба, вкусная каша с маслом и сладкий кофе. Боря сильно проголодался, быстро съел кашу и начал кусочком хлеба вытирать тарелку. Соседний мальчик сказал ему:

— Если не наелся, попроси добавки. У нас полагается добавка.

Но Боря из гордости не попросил, хотя мог бы съесть еще порцию такой вкусной каши.

После ужина он вернулся в свою комнату. Ребята ложились спать. В коридоре часы пробили десять. Спать Боре не хотелось. Не привык он ложиться в десять часов. Собственно, вообще он не знает, когда лучше спать: не то с вечера, не то утром, не то днем. Он спал обычно после того, как они со слепым заканчивали ходить по вагонам и забирались в старый заброшенный вагон в тупике или останавливались у кого-нибудь на станции, чтобы передохнуть и поесть...

Товарищ Бори по койке назвал себя Андрейкой. Он был на год моложе Бори, но ростом не меньше, а даже чуть повыше его. Андрейка сразу как-то запросто обратился к Боре:

— Ты, Боря, в каком классе учиться будешь? Во втором, со мной вместе?

— Я не знаю, в каком,— ответил Боря нехотя, но дружелюбно, накрываясь чистым и холодным одеялом.

— Давай к нам, во второй класс. Будем, Боря, за одной партой сидеть. У меня и линейка есть, и карандашей много, и лишняя тетрадка есть. Я могу тебе ее отдать. Хочешь? — говорил Андрейка ласково, мило, искренно.

— Ну, ладно, завтра посмотрим,— неопределенно ответил Боря, а сам подумал: «Неуж учиться заставят?»

Уже давно все спали. Не спал только Боря. Все ему казалось странным: и тихая комната, в которую через окно заглядывала луна, и ровное дыхание мальчишек, его новых товарищей, и эта постель с чуть колючим одеялом. Запах свежего белья напоминал ему иную комнату и милое лицо, черты которого он уже забывал. Боря закрыл глаза, и ми-

лые черты уплыли, появился слепой музыкант с голосистой гармоникой и заунывными печальными песнями, темные вагоны, стук колес, резкие свистки паровоза, говор, запах махорки... Совсем другая жизнь. Вот они проходят темный тамбур, входят в вагон и останавливаются у дверей. Слепой запевает:

Позабыт, позаброшен
С молодых, юных лет,
Я остался сиротою,
Счастья, доли мне нет...

Боря снимает фуражку и говорит: «Подайте, граждане, слепому калеке и сироте-мальчонке на хлебушко, кто сколько может...» И тогда начинают в фуражку падать, позвякивая, серебряные монеты, а то и бесшумные желтоватые бумажки — рубли, а он и слепой музыкант идут тихонько, пока не дойдут до тамбура следующего вагона.

Боря вспоминает, как они подружились со слепым... Было это в 1941 году. Поезд шел из Харькова. Боря с мамой ехали на Урал. И вдруг на одной станции их поезд остановился. Боря помнит, как мать быстро проговорила: «Бежим, Боренька, бомбит проклятый!» Они побежали. На улице было темно, шумно, страшно. Где-то рядом громко звала женщина: «Доченька, милая, где ты?.» В ответ слышался плач девочки: «Мамочка, родненькая!..» Но было, наверное, так тесно, что мать и девочка не могли пробиться друг к другу.

Мама тащила Борю за руку, а он все не мог поспеть за ней, запинался и ничего не мог понять. Вдруг что-то полыхнуло, подбросило Борю, и он забыл все: и маму, и крик женщины, и плач девочки. Очнувшись, Боря искал до утра маму, звал ее и плакал, а утром увидел, что она лежит холодная, неживая. Только кровь еще сочилась из черной раны на голове.

Боря, плача, целовал маму и никуда не уходил. Потом недалеко у вагона появился слепой. Он играл на гармонике с колокольчиками и пел:

Погибла мать, отца убили,
И я сироткою хожу...

Песня растрогала Борю. Она точно о нем пелась. Боря подошел к слепому и пожаловался:

— У меня тоже мама погибла и папа без вести пропал...

— Пойдешь со мной? — спросил слепой.— Тебе будет лучше, а то куда ты один-то...

— Пойду,— нерешительно ответил Боря: ему страшно было оставить маму и уйти с незнакомым человеком.

И началась жизнь со слепым. Привык Боря к слепому, полюбил его за песни и сам стал петь с ним. Пели на вокзалах, в вагонах, на базаре. Им подавали деньги, хлеб, яблоки, сахар, иногда даже масло или сало. Деньги делили пополам, хотя слепой был большой, а он, Боря, маленький. «Может, так и сейчас ходил бы я, если бы слепой не потерялся».

Так, переносясь из одного мира в другой, Боря, наконец, уснул.

III

Илья Ильич подошел к Боре.

— Ну-с, дружок, покажи, что у нас получается. Он взял у Бори тетрадь, посмотрел и сказал: «Хорошо».

— Плохо! — нервозно возразил Боря. На самом деле он не знал, хорошо или плохо он пишет, но сказал «плохо» потому, что окончательно невзлюбил Илью Ильича. Теперь он невзлюбил его еще и за то, что учитель не только не сердился на него за грубость, а даже, как казалось Боре, чаще называл его «дружок», улыбался, гладил его по стриженой голове, и больше, чем другим, уделял внимания, как самому маленькому, хотя Боря считал себя взрослее других.

Мысль о побеге не покидала Борю. Привязывал только Андрейка. Уж очень он хороший товарищ. Как только кончаются занятия, Андрейка тащит Борю во двор, и там они дают себе волю: играют в снежки, катаются на санках.

Шла подготовка к празднику. Ребята украшали классы под руководством своих учителей. Илья Ильич заставил Борю и Андрейку прибивать плакаты и наказал:

— Не порвите. Ты, дружок, отвечаешь за это,— сказал он Боре, а сам стал посреди класса и командовал: «Ниже, дружок, еще ниже, чуть повыше, дружок, вот так...»

Только все это Боре не нравилось. И почему этот Илья Ильич все больше на него, на Борю, обращает внимание? Почему бы ему не заставить прибивать эти серые плакаты с красными буквами других мальчиков? Ведь у них в классе все переростки, по десяти, по двенадцати лет... Так нет, этот Илья Ильич его, Борю, с Андрейкой заставил.

«Вот возьму и порву»,— решил Боря, когда залез на стол, чтобы прибить плакат к стене. Андрейка стоял на другом столе и держал другой конец длинного плаката. Боря нарочно так дернул плакат, что тот лопнул посредине. Боря подумал: «Сейчас Илья Ильич закричит и выгонит меня, и все тут...»

— Как же, дружок, получилось? Порвали, значит? Ну, ничего, мы его сейчас склеим, да...

И опять Боря не мог ответить Илье Ильичу так, чтобы тот рассердился и наказал его. Вернее, Боря ответил какой-то грубостью, но Илья Ильич будто не заметил и принялся склеивать плакат. К нему сразу подбежало несколько учеников. Это Боре тоже не нравилось. И вообще к Илье Ильичу все ученики относились с особой любовью, засыпали вопросами, улыбались, бежали сломя голову, если Илья Ильич просил кого-нибудь о чем-либо.

Как-то Андрейка увидал в окно Илью Ильича и так закричал от радости, как будто старый учитель не учитель, а мать или отец, которых Андрейка не видел целый год, хотя на самом деле Ильи Ильича не было в школе только три дня — он болел.

— Мой учитель идет! Илья Ильич идет, к нам идет!..

— Почему твой? — вдруг спросил недовольно Боря.— Подумаешь, «мой учитель», «Илья Ильич идет»,— передразнил он Андрейку.

Боре было неприятно, что Андрейка, его лучший друг, кричал, радуясь, «мой учитель» точно так же, как сам Боря говорил когда-то: «моя мамочка», или «мой дорогой папочка».

Все мальчишки наперебой обращались к Илье Ильичу:

— Илья Ильич, а я буду прибивать портрет Ленина?..

— Я буду украшать уголок пионера?..

— Я, Илья Ильич, я,— пищал Андрейка, и это злило Борю.

Илья Ильич всем успевал отвечать, всюду появлялся с ребятами, точно он не седой старик, а их ровесник.

До слез обидно было Боре, когда, заканчивая украшать класс, Андрейка спросил старого учителя:

— Илья Ильич, а вы будете с нами, с нашим классом, на празднике?

— Буду, дружок, буду. Непременно буду.

— И с нашим классом петь будете?

— И петь буду,— ответил Илья Ильич, улыбаясь и поглаживая Андрейку по светлым волосам.

— Не пойду на праздник, и все тут,— заявил Боря, когда заговорил Андрейка о празднике.

— Почему? — осведомился Андрейка.

— Илью Ильича не люблю,— откровенно сознался Боря.

— Почему не любишь? — с испугом спросил Андрейка.

— А так. И за уроки, и за то, что ходит с нами, и за то, что ты к нему льнешь, как муха к меду, и все вы льнете к нему. Вот и все тут...

IV

Весной, когда так тянет на улицу, Боря был дежурным по классу. Он заранее обдумал, как «насолить» учителю, чтобы Илья Ильич попросил его из класса во время урока, как он иногда делает с провинившимися. Илья Ильич любил, когда дежурный вытирал начисто доску, приготавливал мел, мокрую тряпку для доски и стирал пыль с учительского стола.

Боря не вытер доску, мел запустил под дверь в другой класс, стол повернул ящиками к партам, а класс закрыл и дежурил у двери, чтобы учеников впустить только в момент звонка.

— Кто же у нас сегодня дежурный? — спросил Илья Ильич, войдя в класс и рассматривая диковинную картину. Доска была грязная, стол стоял углом к партам и на нем были начерчены мелом каракули и чортик.

— Я дежурный!— вызывающе ответил Боря.

— Где тряпка, Боря? — спокойно спросил Илья Ильич.

— Я ее не нашел.

— Так-с, дружок, не нашел, значит, так-с... И мел не нашел.

Кто-то из учеников уже вылетел за дверь и мигом принес мел, тряпку, из которой текла неотжатая вода, и принялся вытирать доску.

— Но ведь ты не дежуришь сегодня,— сказал Илья Ильич и попросил тряпку у мальчика, вытиравшего доску.

— Спасибо. Садись, дружок, а доску я вытру сам... Значит, я у вас сегодня дежурный.

Двадцать девять пар детских глаз недовольно смотрели на Борю, а кто-то даже сказал по адресу Бори, но так, чтобы не услышал Илья Ильич:

— У-у, бродячий музыкант с колокольчиками...

Боря злился. Ему хотелось набить того, кто сказал обидные слова, набить тех, кто хихикал, и досадить старому учителю.

Урок шел своим чередом. Андрейка решал задачу:

«5 мальчиков купили 25 яблок, поровну каждый». Нужно было узнать, сколько купил яблок каждый мальчик.

Если просто ответить на этот вопрос, то Андрейка, может, и сказал бы сколько, но произвести это путем арифметического действия на доске он затруднялся и молчал. Лес рук поднялся вверх. Это были желающие помочь Андрейке, но Илья Ильич не вызвал тех, кто поднял руку, а вызвал почему-то Борю.

— Ну-с, Боря, помоги товарищу.

— Я не знаю. Вон они пусть помогают. Я руки не поднимал, и все тут,— ответил Боря вместо того, чтобы выйти к доске и решить задачу, которую он знал отлично.

В первый раз Илья Ильич был недоволен Борей, по крайней мере, так решил Боря. Учитель сказал, как всегда, ровным голосом:

— Боря Шилов! Выйди из класса!

Все ученики были довольны и провожали Борю взглядами до самой двери с чувством личного возмездия за его проказы. С радостью и торжеством вылетел Боря. Он думал о том, что наконец-то победил старого учителя. Сразу же, не заходя в общежитие, он направился к выходу, на улицу. Но тут ожидала его неприятность.

Женщина-сторожиха, та самая, которую Боря невзлюбил еще в первый день знакомства с детским домом, преградила ему путь и строго заявила:

— Уроки идут... Нечего баклуши бить на дворе. Марш в класс...

Боря ничего не сказал строгой женщине. Ничего не видя, он бросился на четвертый этаж в свою комнату. В комнате было пусто. Боря плюхнулся на кровать, не снимая ботинок, и зарыдал. Но и здесь его не оставили в покое.

Женщина, та, что распоряжается бельем и убирает в их комнате, вошла и потребовала:

— Ты что это улегся, как медведь, с грязными ногами на чистое одеяло? Сейчас же встань! И вообще днем, да одетому не след ложиться на чистую кровать. Сейчас же встань, а то живо к директору отведу.

Директора Боря боялся. Как ужаленный соскочил он с кровати и выбежал в коридор. А здесь как раз в это время проходил директор. Увидев Борю, он строго спросил:

— Почему, Борис, не на уроке?

— Я... я...— заикаясь, начал было Боря, но директор догадался, в чем дело.

— Понимаю,— сказал он,— вот это здорово, Борис. Все учатся, а ты окна в коридоре считаешь... Вот кончится война, вернется твой отец, а ты будешь неуч... Ах, как папа обрадуется! Правда?

Боря всхлипнул:

— Извините меня, пожалуйста.

— У Ильи Ильича проси извинения, а не у меня.

Но извинения у Ильи Ильича Боря не попросил. Учитель разрешил ему сесть за парту, но за все уроки не спросил ни разу, хотя Боря несколько раз поднимал руку.

Ребята перестали с Борей разговаривать не только в школе, но и дома. Все считали, что он должен попросить прощения у Ильи Ильича. Так у них было заведено: коли провинился,— проси прощения.

Только Андрейка, да и то тайно от других, разговаривал с Борей.

— А ты, Боря, возьми, да и скажи: «Илья Ильич, простите меня, я больше не буду так поступать». Он ведь у нас вон какой хороший, добрый. Он сразу тебя простит.

Боря не ответил Андрейке, но всю ночь проплакал, думал и решал: или ждать лета и летом бежать, или, как говорит Андрейка, пойти извиниться перед Ильей Ильичем... Уснул Боря только под утро. Во сне он видел слепого музыканта, который все время звал его куда-то, а Боря почему-то и хотел и не хотел итти с ним, ему жаль было оставлять Андрейку одного.

Утром Боря вдруг сказал Андрейке:

— Пойду к Илье Ильичу.

— Вот это здорово! Вот хорошо! — подпрыгивая, кричал обрадованный Андрейка.

V

Летом ребята трудились на подсобном хозяйстве детского дома. Илья Ильич тоже работал в поле с учениками своего класса. «Война, всем работать надо», — говорил он. И в поле Илья Ильич оставался хорошим учителем. Он учил ребят беречь каждый колос, каждое зерно. Легко было ребятам со своим учителем. Начнут работать одни — обязательно кто-нибудь раскиснет, устанет, начнет ныть и, смотришь, всем скоро захочется бросить работу да отдохнуть, а то и совсем уйти. Но если в поле вместе с ребятами работает Илья Ильич, никто не устает, не жалуется, и все делают больше обычного, весело, с песней и шутками. Хорошо это понимал и Боря. Он долго и часто думал об Илье Ильиче с тех пор, как они помирились, и понял, какой сильной любовью полюбил старого учителя.

В короткие перерывы ребята тесным кольцом окружали Илью Ильича, и он рассказывал им про русских богатырей, про былые походы русских дружин. И как рассказывал! Слушают его ребята и боятся перевести дыхание. Но его рассказ про Чапаева ни с чем нельзя было сравнить.

«Эту легенду, ребятки, мне поведал один боец,— рассказывал Илья Ильич.— Будто Василий Иванович Чапаев не утонул в реке Урал, а скрылся с помощью одного верного солдата. Этот солдат переплыл реку на резвой вороной лошади и когда увидел плывущего раненого Ча-

паева, бросился к нему, подсадил на своего коня, и Василий Иванович ускакал, а солдат принял смерть вместо Василия Ивановича. Много еще Василий Иванович водил бойцов в бой против врагов Родины... И теперь помогает нашим славным воинам громить фашистов. Однажды отряд всадников-кавалеристов был окружен большими силами фашистов. Создалось трудное положение. Кругом фашисты, стреляют, кричат... Но вдруг откуда ни возьмись — Чапаев на резвом вороном скакуне в своей бурке. Летит, машет острой, светлой саблей.

— Вперед! Вперед, товарищи-друзья! — командует он и, как стрела, несется вперед.

Бойцы с криками «ура» бросаются за ним на фашистов, рубят их, топчут лошадьми, уничтожают всех до единого. А потом опомнятся, оглядятся, а Чапаева нет... И не верят сами себе: был или не был с ними Василий Иванович, но кое-кто утверждает, что видел его лично и потому так смело шел на врага».

Однажды ребята убирали картофель. Поле было километрах в трех от детского дома. Погода стояла жаркая, тихая. Работали дружно, пели песни, смеялись. Илья Ильич всюду успевал, хотя будто и не торопился.

Никто не заметил, как подошла пора отдыха — двенадцать часов дня.

Отдыхали в тени зеленых березок. Ильи Ильича не было: он ушел с бригадиром обмерять поле. Пахло душистой травой, листьями березы и особенно свежестью сухой осени. Отдохнули, закусили и вдруг вспомнили о воде.

— Ах ты, беда какая! Да как же это мы водичку-то оставили, не захватили? — сокрушался Андрейка.

— Ты же и Боря прозевали,— ответили ребята.— Вам воду поручали нести.

Боря лежал на мягкой траве вниз лицом. Он уже дремал, но все слышал. Правда, это они с Андрейкой должны были нести лагунчик с водой, но забыли, потому что Андрейка поторопил Борю, все вышло не намеренно, но Боря чувствовал себя виноватым.

«Илья Ильич придет, попросит воды, а мы что скажем?» — подумал Боря. С этой мыслью он вскочил на ноги и, не сказав никому ни слова, побежал.

Боря бежал к детдому. «Как же это я? Что скажет Илья Ильич? — думал Боря.— Вот скажет, давал слово, говорил, что все буду делать честно, хорошо, а тут взял, да и выкинул штучку... В такую-то жару ни глоточка воды... Срыв работы... Нарочно сделал...»

Боре хотелось как можно скорее принести воду, загладить свой промах. Он внезапно вспомнил, как Илья Ильич говорил ему весной:

— Вот вернется твой отец с фронта и найдет тебя. Ну-с, и спросит у тебя:— Как ты, Боря, прожил войну? Как учился? Потом спросит у меня: «Расскажите, Илья Ильич, как тут мой Борис вел себя, учился... Помогал ли фронту?» Ну-с, что тогда прикажешь отвечать отцу?

— А папа, Илья Ильич, правда, вернется? — спросил тогда Боря.

— Конечно, вернется. Как же ему не вернуться... Ведь ты у него один сын?

— Один.

— Один. То-то и есть. Один сын, да чтоб отец не нашел его, не вернулся...

— Так он же без вести пропал,— возразил Боря.

— Это, дружок, еще неизвестно. А вот возьмет, да и явится прямо к тебе.

С тех пор Боря стал другим, неузнаваемым мальчиком. Он и от других слышал такие слова об отце, но никому не верил, а вот Илье Ильичу почему-то поверил.

VI

Прошло три года. У Бори Шилова был необычайный год. Он кончал четвертый класс. У Ильи Ильича тоже был необычайный год — он отмечал тридцатилетие работы в начальной школе и четырехлетие в школе детдома.

И все-таки, готовясь к выпуску учеников, Илья Ильич испытывал тягостное чувство. Много раз ему приходилось прощаться со своими питомцами. Но в этом году он особенно был неспокоен, потому что делал свой первый выпуск из школы детского дома. У многих детей не было ни родителей, ни родных. Семилетки в детдоме еще не организовали. Значит, ребята должны были уезжать в город, в другую школу, в новую жизнь.

Вообще Илья Ильич имел маленькую слабость: когда он выпускал своих учеников, он говорил последнее напутственное слово и не удерживался от слез, а потом долго тосковал по ребятишкам. Поэтому, готовясь к выпускному вечеру в детдоме, он чувствовал себя так, точно у него отнимают часть его собственной жизни.

Как-то вечером Илья Ильич из многочисленных писем от бывших своих учеников и их родителей подбирал, по просьбе директора, наиболее подходящие для чтения на вечере. Роясь в пожелтевших конвертах и письмах, он вдруг обратил внимание на знакомую фамилию. Это было письмо командира Красной Армии Шилова, полученное еще в 1941 году, почти за два года до появления в детдоме Бори Шилова.

— Постой... Да что же это такое?.. Шилов? Кто же этот Шилов? — думал Илья Ильич и невольно вспомнил Борю. К сожалению, в письме не указывалось ни имени, ни места жительства. Письмо было не очень длинное, простое, написанное, может быть, в короткой передышке между боями. Командир Шилов писал: «Дорогой Илья Ильич! Вспомнил, что в этом году исполнится четверть века вашей работы в школе. Вот и решил Вам написать это письмо, как бывший Ваш ученик, ныне командир Красной Армии. Вот думаю сейчас, Илья Ильич, о себе и невольно вспоминаю Вас, школу. Все кажется, что это было совсем недавно... Почему именно школу, начальную школу? Может быть, потому, что Вы всегда казались мне необычным, особенным учителем, которого нельзя забыть всю свою жизнь...»

Илья Ильич на минуту отложил письмо и начал припоминать, когда и при каких обстоятельствах получил он это письмо. Шилова он не помнил. Да и вообще запомнить всех учеников за тридцать лет было невозможно. Но автор письма, командир Шилов, наверное, уралец, а Боря Шилов жил в Харькове... Постой... Да что же это я?.. Да ведь,

кажется, Боря Шилов рассказывал, что ехали с матерью на Урал... Правда, тогда на Урал многие ехали, но нет ли здесь другой причины поездки на Урал? Может быть, Боря Шилов и его мать ехали на Урал к родным командира Шилова?

Илья Ильич хотел было сейчас же пойти в детский дом, к Боре Шилову, чтобы выяснить, нет ли у него на Урале родных по отцу или матери. Но был час ночи. Поэтому Илья Ильич решил дочитать письмо и сейчас же написать по адресу полевой почты на командира части запрос об офицере Шилове, а с Борей поговорить утром. Вдруг это отец Бори Шилова? Но тут же Илья Ильич вспомнил, что отец Бори пропал без вести, и у него сразу появилась мысль о бесполезности затеи с запросом. И все-таки, дочитав письмо, Илья Ильич так растрогался, так разволновался, что тут же принялся писать запрос, излагая длинную трогательную историю с Борей Шиловым.

* * *

Боря Шилов успешно заканчивал четвертый класс. Засиживаясь вечерами в красном уголке, Боря в последнее время сильно грустил. Он думал о том, куда поедут они с Андрейкой учиться, как встретят их в новой школе и как они начнут жить. И Андрейке тоже было грустно.

— А что, Андрейка, вдруг найдется твой папа, ты тогда оставишь меня одного и уедешь с ним? — спросил Боря, когда друзья обсуждали свои будущие планы.

— Ни за что на свете! Я ему, знаешь, как скажу?! — произнес Андрейка возвышенно.

— Как?

— Я ему так заявлю,— продолжал Андрейка: «Если, папочка, хочешь, чтобы я с тобой поехал, то бери и Борю».

— Правда, ты так скажешь? — обрадованно переспросил Боря, совсем не желавший разлучаться с Андрейкой.

— Вот клянусь тебе честным пионерским! — заверил Андрейка.

Оба замолчали, как бы обдумывая этот необычный для них шаг в жизни.

— А если твой папа найдется?

— Ну, мой-то уж не найдется,— печально произнес Боря.— Мой без вести пропал.

— Ну, а если, Боря, найдется твой папа? — настаивал Андрейка.

— Тогда... тогда я скажу ему: «Это, папа мой братишка, и мы

не можем жить друг без друга». Вот как я скажу, только пусть найдется мой папа, честное пионерское!

Долго в этот вечер Боря и Андрейка мечтали вместе.

VII

На вечере всем ученикам вручали удостоверения об окончании четвертого класса и похвальные грамоты отличникам учебы. В просторном клубе детдома было шумно. Каждый окончивший четвертый класс подходил к учителю, получал удостоверение, и Илья Ильич тепло пожимал руку взволнованному ученику.

Это торжественное событие сопровождалось музыкой — детдомовский духовой оркестр играл туш.

Когда к столу подошел Боря Шилов, старый учитель по его лицу понял, что у мальчика нет той радости, какую испытывали другие. Илья Ильич знал, что Боре Шилову тяжело расставаться с детдомом. Учителю тут же хотелось сказать Боре об отце, что он обязательно найдется и все у Бори будет хорошо, но Илья Ильич только взглянул ласковыми глазами на Борю, отдал ему документ и, пожимая руку, сказал тихо, так, чтобы слышал только он:

— Ничего, дружок, все будет отлично...

Когда закончили вручение документов, директор детдома выступил с напутственным словом. После него говорил Илья Ильич. Голос его был тих и слегка дрожал: видно было, что Илья Ильич с трудом сдерживал себя.

Ответное слово от учеников держал отличник Боря Шилов.

— Дорогой наш учитель, Илья Ильич,— начал, волнуясь, Боря.— Я говорю это так не только за себя, но и за всех нас, окончивших школу. Нас много, и все мы будем помнить вас, как родного отца, как лучшего нашего друга, как самого любимого учителя. Мы обязаны вам на всю жизнь за то, что вы направили нас на светлую дорогу. Спасибо вам, Илья Ильич, спасибо детскому дому и великому другу советских ребят родному товарищу Сталину!

Многие не могли удержаться от слез, когда говорил Боря, хотя в его словах было все обычное и простое. И когда он закончил свою маленькую речь, все громко начали аплодировать, оркестр заиграл Гимн Советского Союза, а Илья Ильич, довольный своим учеником, вытирал платком влажные от слез глаза и широко улыбался.

— Разрешите, товарищи, зачитать вам одно письмо,— начал было директор, но в это время распахнулась дверь, и на пороге появился

6*

офицер. Он в замешательстве остановился и стал извиняться, обращаясь к директору и Илье Ильичу. Все замерли и смотрели на вошедшего.

— Я,— сказал офицер,— получил письмо Ильи Ильича и разыскиваю своего сына... Шилова Борю.

Через три дня состоялись проводы. Вместе с Борей уезжал и Андрейка, ставший приемным сыном гвардии подполковника Шилова. Провожать вышла вся школа. Хотя Боря и Андрейка были счастливы, им нелегко было расставаться со всеми и особенно с Ильей Ильичем, который так много для них сделал.

Е. Трутнева

Рисунки Ю. Соколова

Рыжий кот на солнце жмурится
В мастерской у верстака.
Через окна манит улица
Удалого паренька.
Пробежаться бы с ребятами,
Поднимая пыль с дорог!
За змейками за хвостатыми
Прыгнул в небо ветерок.
Запускать змейки трескучие
Выше крыш и облаков
Веселей, во всяком случае,
Чем стоять у верстаков.
Рыжий кот на солнце жмурится
В мастерской у верстака.
Не мани, родная улица,
Удалого паренька!
Возле маленького сокола
На стене висят часы.
Старый мастер ходит около,
Ухмыляется в усы:
— Не змейками с переплетами,
Да с веревочным хвостом,—
Боевыми самолетами
Будешь хвастаться потом.

Вл. Дроткевич *Рисунки М. Щировского*

— Василий Акимович, а Прошка там сидит и ничего не делает,— доложил Миша Коротков.

— Где сидит?

— Возле стана.

Мастер, прыгая через пакеты труб, помчался на передел. «Что парню надо? — думал он по дороге.— Выучил его хорошему делу, ничего не утаил, относился, как к сыну, а на вот тебе! Иной раз, как найдет на Прошку, ну, никакого сладу...»

Больше всего мастера удивляло то, что Прошка был не какой-нибудь отъявленный лодырь, озорник или глупец. Парень был толковый, знающий, смышленый. Но в нем оставалось еще много детского, мальчишеского и чего-то такого, что мастер не мог разгадать. А чувствовалось, что есть в нем некий тайный винтик, который непременно надо найти — и все будет в порядке. Пока Василий Акимович искал этот винтик, он не раз ругал себя за то, что связался с Прошкой. До прихода Прошки он считался лучшим мастером, а теперь на оперативках ругают, в стенгазете пишут. Однажды Василий Акимович не утерпел и пошел к начальнику смены.

— Заберите куда-нибудь от меня Тесемкина, замучил. Истинный бог, замучил. Верите, ночей не сплю. Приду домой, лягу, а глаза не закрываются. Все думаю, думаю, как к нему ключи подобрать и придумать не могу.

Но когда начальник смены согласился забрать Прошку, у Василия Акимовича заговорило самолюбие, была уязвлена гордость и честь мастера, он вдруг запротестовал и взял свои слова обратно.

Добежав до стана, Василий Акимович увидел Прошку. Тот сидел спиной к нему на корточках и что-то сосредоточенно чертил мелом на полу.

— Прошка!

Юноша вскочил, повернулся. Он еще никогда не видел такого лица у мастера: оно было перекошено, круглые желваки мускулов судорожно ходили на скулах.

— Я тебе приказал переклепать цепочку обратного хода, а ты что делаешь? Кораблики рисуешь? Паруса выводишь? — тут он повысил голос:— Почему не выполнил задание?

— Я, Василий Акимович, слесаря не мог найти,— ответил Прошка, пораженный необычайным видом мастера.— Зубила у меня нет, нечем оську срубить.

— А инструменталка зачем?

— Марки нет у меня.

— Мог бы у бригадира взять.

— Он на обед ушел, пока стан стоит.

— Тьфу, чорт, все у тебя, не как у людей. Бессовестный! — Мастер оглядел невзрачную фигуру Прошки и закончил: — Достать зубило и через пятнадцать минут, чтобы все было сделано. Понятно?

— Есть! — ответил Прошка, виновато посмотрел на Василия Акимовича и пошел в инструменталку.

— А с ума он меня все-таки сведет,— вслух размышлял мастер.— Но, врешь! Ты у меня будешь не одну норму выполнять, а две, три, пять!

Излив в пространство наболевшую душу, Василий Акимович немного остыл и стал рассматривать рисунок Прошки. Это был трехмачтовый корабль с полной парусной оснасткой. Но почему его рисовал парень, никогда не видевший моря?

С детства Прошка мечтал стать моряком. С тех пор, как он научился грамоте и прочитал первую книгу о море, ему чудились запахи соленой воды в необозримых просторах океанов, неведомые далекие страны, куда его приведут великие морские пути. Он зачитывался книгами о морях и моряках.

Мечтательный мальчик каждый раз открывал в книгах что-нибудь новое для себя. Он даже ходил, слегка покачиваясь, как будто под ним была зыбкая палуба корабля.

Но заветной мечте Прошки не суждено было осуществиться. Его не приняли в школу морских юнг из-за плохого зрения. После семейного совета отец решил отдать его в ремесленное училище, чтобы Прошка пошел по стопам мужчин из рода Тесемкиных — в металлурги.

Учась, мальчик не оставлял мысли о море, о кораблях, он продолжал читать увлекательные книги о путешествиях и морских приключениях.

Когда Прошка попал на завод, здесь он все представлял себе огромным кораблем, идущим в дальнее плавание. Действительно, в цехе много было похожего на корабельные снасти и машины. Один стан походил на брашпиль[1], другой — на лебедку, третий — на главную машину. Через рольганги были перекинуты мостки, на которых сидели операторы. Мастеров вызывали условными гудками. Молодые парни вертели огромные штурвалы калибровочных станов. Даже подкрановые кричали: «майна»[2] и «вира»[3].

Стан, на который попал Прошка, был длинный, с множеством механизмов, с гремящими цепями, мостиком посредине. И когда в обеденный перерыв вокруг никого не было, Прошка забирался на мостик, переворачивал фуражку козырьком назад и отдавал приказания невидимому экипажу, воображая, что управляет торпедным катером.

Обо всем этом, конечно, мастер не знал. Но после того, как он рассмотрел рисунок Прошки, у него родились какие-то смутные догадки. Василий Акимович еще не представлял ясно, что именно нужно сделать для Прошки.

И вдруг его осенило открытие. Он бегом направился к начальнику передела, потом к начальнику смены и, наконец, к цеховому художнику, упросив того написать табличку: «Волочильная цепь № 7. Старший стана П. Тесемкин».

По замыслу мастера кольцевой Прошка должен был принять под свое командование бригаду № 7.

На другой день мастер пришел на целый час раньше, чем обычно. Он установил табличку на стане, отошел в сторону, полюбовался ею и тут только заметил, что рядом стоит сменщик, мастер Головлев.

— Чудишь, Василий Акимович,— сказал Головлев,— разве можно Прошку старшим стана ставить?

— А почему нельзя, что, он плохой парень?

— Я бы его мусор возить поставил, и то не старшим, а рядовым.

---

[1] Машина для поднятия якоря на корабле.

[2] Вниз.

[3] Вверх.

— У меня мусор возят чернорабочие, а обученные все на своих местах,— с достоинством ответил Василий Акимович.

В это время подошел Прошка.

— Вот и твой орел! Прокофий, как вас по батюшке, это не вы ли будете старший стана? — сказал Головлев и засмеялся.

Паренек недоумевающе смотрел то на своего мастера, то на Головлева — и ничего не понимал. Потом он заметил табличку на стане и окончательно растерялся.

— Теперь ты, Прокофий, будешь работать здесь,— сказал ему мастер.— Дело ты знаешь неплохо, мы тебе доверяем и решили поставить старшим.

Прошка покраснел. Кусая губы, он смотрел в пол, потом поднял голову и решительно сказал:

— Я не пойду, Василий Акимович, что хотите делайте — не пойду!

— Чудак! Принимай экипаж: Серегу Тимофеева и Василия Журикова. Ребята славные.

Прошка еще больше покраснел от сознания, что ему вручают судьбу парней, за которых он должен нести ответственность. Как-то тепло стало на душе, хорошо, легко. Но вдруг возникла мысль: справлюсь ли? И, точно угадывая ее, мастер заметил:

— Справишься. Всегда поможем, ежели что.

С этих пор Прошка Тесемкин стал командовать волочильной цепью № 7. Не прошло и недели, как его имя замелькало в «молниях», плакатах, в стенгазете. Каждому, кто отставал, всегда приводили в пример бригаду Тесемкина.

— Ну, что? — при встречах с Головлевым спрашивал Василий Акимович.— Втер очки всем твоим Тесемкин?

«Экипаж», как называл Прошка бригаду, гордился своим «капитаном» и готов был итти за ним в огонь и воду. Тесемкин учил товарищей морской терминологии, вместе они читали книги о море, сообща мечтали. Частенько можно было слышать, как кто-нибудь кричал:

— Потрави конец трубы!

— Есть потравить!

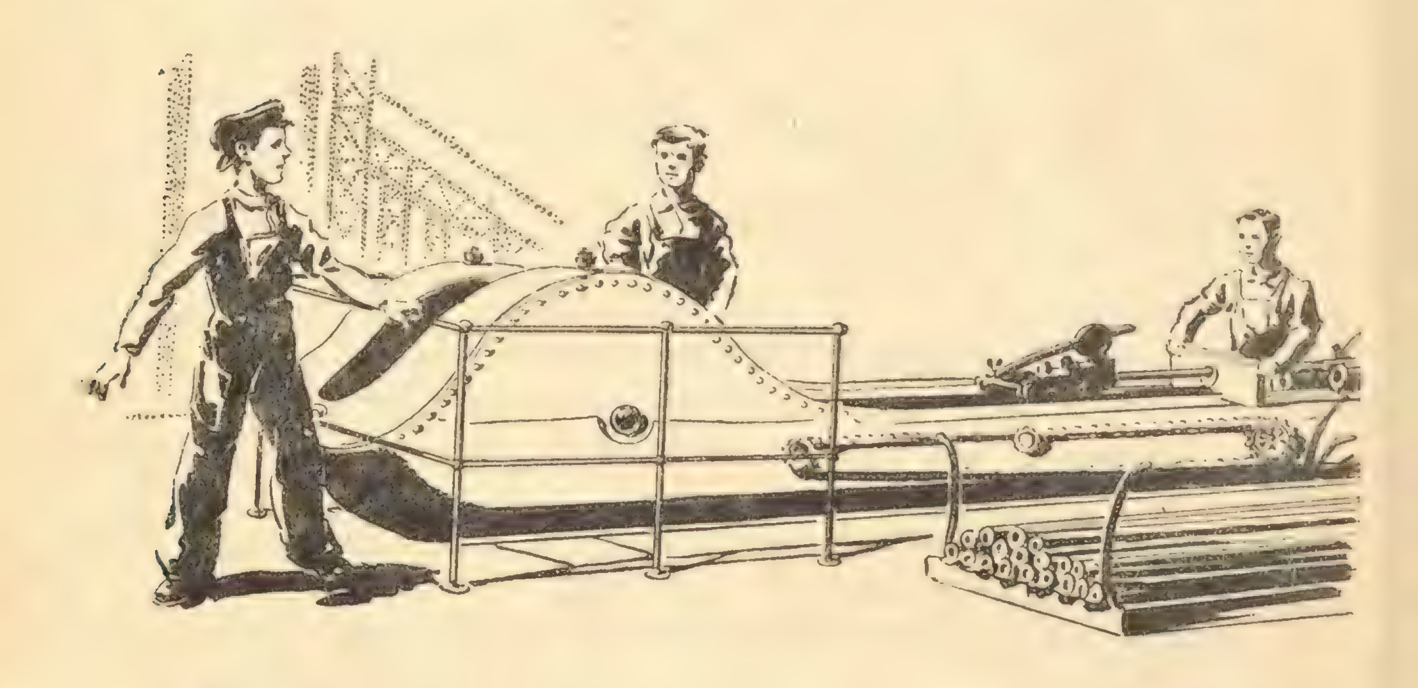
На стане была абсолютная чистота, и если Прошка замечал грязь, то виновнику здорово влетало. «Капитан» заставлял его вне очереди «драить» поручни или голиком мести «палубу», как называлось место вокруг стана.

Ребята трудились с задором, вдохновенно, выполняя волю командира, который не допускал оплошности и требовал железной дисциплины.

Сначала в цехе посмеивались над «кораблем» Прошки Тесемкина, а потом нашлись подражатели среди молодых ребят, которые ходили на стан № 7 кое-чему поучиться.

Однажды на стане чуть было не вышел из строя подшипник. Узнав об этом, туда побежал Василий Акимович. Он внезапно вынырнул из-за штабеля труб и остановился. В трех шагах от него стояли Прошка и Серега Тимофеев.

Прошка грозно смотрел на Сергея и строго выговаривал ему:

— А если бы подшипник сгорел, тогда что? Я тебе еще с утра приказал набить все сальники и тазотницы, проверить масленки. А ты что? В кораблики играешь? Почему не выполнил задание?

— Шприц у меня испортился.

— Пошел бы в инструменталку.

— Марку я дома забыл.

— Взял бы у соседа.

— Он по своим маркам сам получил инструмент.

— Тьфу, чорт! Все у тебя, не как у людей. Через пять минут, чтобы все тазотницы, масленки и сальники были набиты!

— Есть! — ответил Серега и мигом исчез.

Мастер еле удержался, чтобы не рассмеяться. Он расправил усы, и как будто ничего не слыхал, вышел из своего укрытия.

— Что тут у вас, капитан?

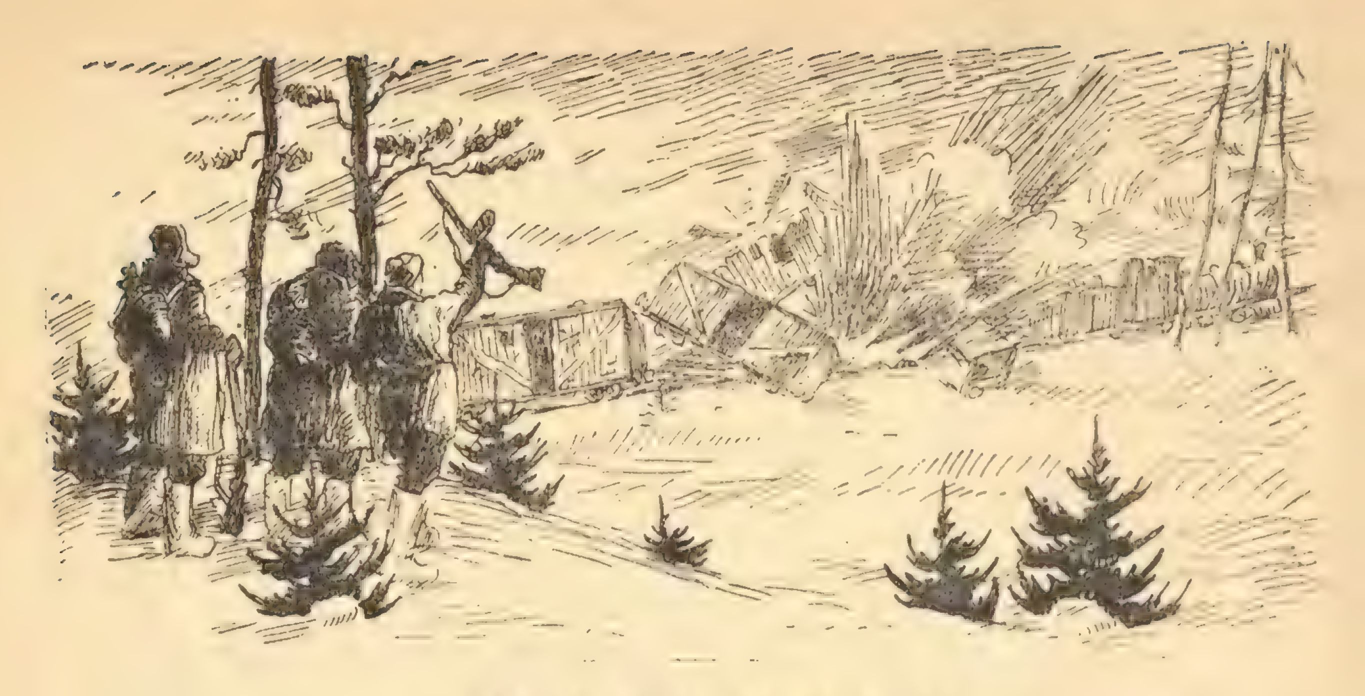
— Понимаете, Василий Акимович, из-за Сереги чуть подшипник не полетел. Сачок! Приказание мое не выполнил, завтра ему будет наряд

вне очереди, а пока что, все же, я думаю, Василий Акимович, вынести ему благодарность, ведь он всю смену работал за себя и за Журикова. Тот по болезни у меня списан.

— Правильно,— сказал мастер,— нужно и поругать, когда следует, и похвалить, если заслужил.

В конце смены на кожухе редуктора появилась надпись мелом: «Привет моему боевому экипажу за отличную работу. Выношу благодарность Сергею Тимофееву. Капитан Тесемкин».

СУВОРОВЕЦ

И. Трубин *Рисунки В. Волович*

В театре юных зрителей шел спектакль «Воробьевы горы». Действующие лица этой пьесы — школьники, и поэтому театр был переполнен.

По соседству со мной несколько рядов занимали суворовцы, с ними воспитатель в звании капитана.

Во время первого антракта я пошел в буфет. Вокруг прилавка столпилась молодежь, и подступиться было трудно.

«Пускай ребята лакомятся, а я — в следующий антракт...» — подумал я и направился обратно, но вдруг слышу:

— Вам что-то нужно купить? Пожалуйста.

С этими словами обратился ко мне один из суворовцев — черноволосый, крепкий, лицо доброе, веселое, ямочки на щеках, на груди две медали: «За отвагу» и «За победу над Германией».

Суворовцы посторонились, и я спокойно купил то, что мне хотелось.

Поблагодарив за внимание, я пошел на свое место. Капитан, воспитатель суворовцев, сидел впереди меня. Мы познакомились с ним и разговорились. Сначала говорили о пьесе, затем о его питомцах.

— У вас в училище, кажется, есть участники войны?

— Да.

— Мне один из ваших воспитанников очень понравился, тот, что с двумя медалями.

— Это Корнев Павел. Наша гордость.

— Почему же?

— Он в войну отличился.

И капитан рассказал, как это было.

Перед войной Павел окончил четвертый класс. Жил он в городке Д. В 1941 году сюда ворвались немцы.

Нахальные рожи «завоевателей» были противны, поэтому каждый старался не показываться на улицах.

Не слышно стало песен, не играла вечерами шумная детвора. Жизнь замерла.

Однажды ночью, в декабре, жители городка были разбужены далеким, но сильным взрывом. А перед рассветом в домик, где жили Павлуша с матерью и дедом, постучали.

Мать Павлуши, Анна Семеновна, тихонько поднялась и подошла к двери. Затаив дыхание, прислушалась.

Стук повторился. Мать испугалась, разбудила Павлушу, и они оба, встревоженные, вышли в сени.

— Кто там? — спросил Павел.

— Свои,— тихонько ответил мужской голос.

Анна Семеновна еще не знала, как поступить, а сын уже отодвинул засов.

— Я знаю, кто это,— прошептал он.

Быстро закрыв дверь, Павел ввел в комнату человека, облепленного снегом.

— Сюда проходите. Мама, это Степан Васильевич, наш учитель.

— Что ты, Паша? Неужели? — вглядывалась мать в лицо пришедшего.

— Я самый, Анна Семеновна. Дело у нас было. Не побоитесь спрятать меня на одну-две ночки? — спросил учитель.

— Что ты, дорогой?.. Спрячем, спрячем,— ответила торопливо Анна Семеновна.

Степан Васильевич с тремя своими товарищами — партизанами взорвал немецкий эшелон. Железная дорога проходила в трех-пяти километрах от городка. Товарищи Степана Васильевича ушли дальше, а ему нужно было установить кое с кем связь.

Анна Семеновна вспомнила слышанный ею взрыв, но ничего не спросила у Степана Васильевича.

Через час в доме спали.

Утром немцы начали повальный обыск. У Дмитрия Серкова немцы нашли винтовку с патронами. За это они убили Дмитрия, его жену и двоих детей, а избу сожгли.

К Корневым пришли с обыском трое. Один был в громадных очках и походил на огромную жабу.

— Рус партизан ист! — кричал он.

Мать разводила руками и жалостливым голосом отвечала:

— Нету, пан, нету.

Немцы перешарили везде: спускались в подполье, залезали на вышку, постучали по стенам, обыскали двор. Когда они тыкали штыками картошку в яме, Павел крикнул:

— Зачем портите овощи?!

Очкастый оттолкнул мальчика от закрома. Они залопотали что-то и еще яростнее стали перерывать картошку. А Степан Васильевич в это время сидел в подполье под печкой.

Ничего не обнаружив, немцы ушли в соседний дом...

...Начался второй акт, и наша беседа прервалась. Но капитан досказал в следующий антракт.

...Через два дня учитель вышел и целый день ходил по городку, выполняя задание. Он вернулся лишь следующим утром и долго шептался с Павлушей. Ему нужно было немедленно выбраться из города. Немцы пронюхали о партизанах и собирались ночью устроить облаву.

Павлуша задумался. Как помочь Степану Васильевичу? Дорога, ведущая из города, строго охранялась. На окраинах день и ночь бродили немецкие патрули.

Павлуша, раздумывая об этом, чинил свои салазки: полоз расшатался, и нужно было прочно его скрепить. Вот тут-то мальчику и пришла в голову интересная мысль.

Он весело рассмеялся и бросил салазки. Быстро спустился в подполье и изложил Степану Васильевичу свой план. Учитель одобрил затею Павлуши.

Павлуша оделся и, захватив салазки, выбежал на улицу. Нашел там своего друга Володьку и под большим секретом рассказал ему о том, что им предстоит сделать. Володька с радостью согласился.

— Зови побольше ребят! — сказал Павлуша.— Нужно укатать горку, что ведет к оврагу.

Улица, на которой жили ребята, кончалась глубоким оврагом, который, извиваясь, терялся в лесу.

Раньше здесь, как только выпадет снег, всегда шумела, кричала, смеялась и пела детвора. С горы катались на салазках, на доске-ледянке, на лыжах или коньках, а то и просто на подогнутой шубенке Теперь склон оврага занесло снегом: ребятам было не до игр.

Ребятишки толпами бежали по улице к оврагу со всеми принадлежностями зимнего ребячьего «транспорта».

— Куда вы, окаянные! — ворчали старухи. Но ребята не слушали: они вдруг решили кататься.

Немецкие солдаты видели беготню ребят и, усмехаясь, лопотали:

— Русь играйт. Карашо! Гут!

Они думали, что русские дети забыли про войну.

Ребята копошились по склону оврага, как муравьи. Санки стремительно неслись вниз и терялись под елями. Детвора каталась. Но подлинного веселья не было. Никто из ребят не знал о причине сегодняшнего катанья, но многие догадывались, что Павлуша задумал это неспроста.

Ватага ребят притащила соломенное чучело бабы.

Немцы, помещавшиеся в колхозной конторе, вышли на улицу и, смеясь, смотрели на чучело. Очкастый, что был с обыском у Павла, стоял тут же. Он вертел пучеглазой головой и скрипел: «Гут. Русиш баба».

У кузницы, на краю оврага, лепили бабу из снега.

Павел вернулся с горки рано. Два раза спускался в подполье. Анна Семеновна молчала. Она поняла замысел сына. Дед тоже догадался и, лежа на печи, ворчал:

— Придет еще наше времечко, придет... Будут они от нас прятяться.

После обеда Павел готовил под сараем чучело деда-мороза.

День выдался теплый, туманный. Под вечер прибежал Володя.

— Готов дед-мороз? — нетерпеливо спросил он.

— Все в порядке, можно тащить,— ответил Павел, и Володя убежал обратно.

Вскоре он вернулся с большой ватагой ребят. С шумом, свистом, криком они потащили деда-мороза по улице к оврагу. Чучело было сделано из соломы. Громадная шапка свернута из старой шубы, длинная борода из конопли, в руке метла. Дед-мороз стоял на санках.

Павел бежал сзади, поддерживая чучело.

Ребята кричали:

— Дед-мороз! Дедка! Дедо!

Женщины хлопали руками и дивились:

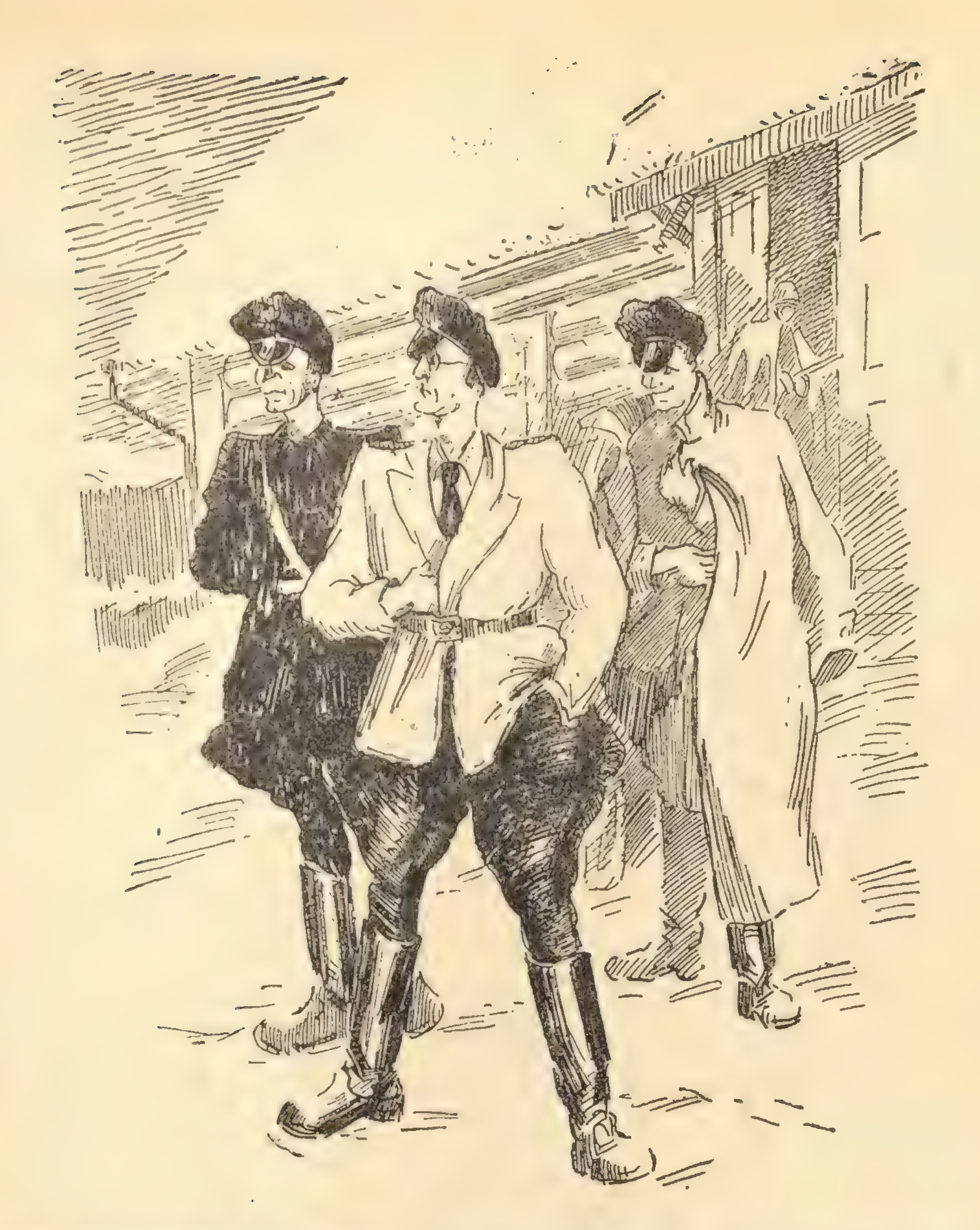
— Одурели наши ребята. Ох, и беда с ними.

Немцы кивали головами:

— Гут. Русиш дед.

Один из них бросил в чучело комом снега. Полетели еще комья. Павлуша испугался: собьют шапку с деда! Он гикнул, и шумливая толпа, ускорив свой бег, завернула за последний дом.

Когда подкатили к самому обрыву, Павел привскочил на задок санок, сильно оттолкнулся ногой, и они с дедом-морозом понеслись под уклон. Володя пустился вдогонку за Павлом.

На первом повороте дед-мороз чуть не опрокинулся, но Павел умело дал тормоз ногой, и санки скрылись за отвесным берегом.

Вскоре Володька из глубины оврага закричал ребятам, оставшимся на горе:

— Катись сюда! Кати деда-мороза трепать!

И вместе с Павлом начали торопливо разрушать чучело.

В то время, как ребята трепали остатки чучела, Степан Васильевич удалялся по оврагу в лес. Остановившись передохнуть, он оглянулся в сторону города, прислушался, улыбнулся и, отряхнув с рукава соломинки, еще раз внимательно оглянулся и скрылся в лесу.

Через месяц немцы побежали под ударами Советской Армии. Последняя колонна немецких автомашин, удиравших на запад, была уничтожена партизанским отрядом, которым командовал учитель Степан Васильевич.

Как только наши войска вступили в городок, все узнали, как Павлуша и Володя с ребятами, на виду у немцев, под видом деда-мороза увезли своего любимого учителя.

— А в 1945 году Павел поступил в наше суворовское училище,— закончил капитан рассказ.

— А его учитель, Степан Васильевич? Володя?

— Степан Васильевич преподает историю. Володя учится в 9-м классе и переписывается с Павлом.

После спектакля я еще раз встретил Павла.

Он получил свою шинель, ловко надел ее, проверил себя перед трюмо, спокойно взглянул на нас с капитаном и легкой, сильной походкой направился к выходу.

Н. Попова, Е. Хоринская *Рисунки М. Щировского*

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРИ

Утром школьники увидели на «доске новостей» объявление: «В честь выборов в Верховный Совет СССР, для подробного изучения революционной деятельности творца нашего советского закона — товарища Сталина, в отряде № 2 (4 кл.) организуется турэкспедиция на Кавказ. Маршрут: Свердловск—Сталинград—Гори. Начало путешествия — 10/II 1946 г. Ждите интересных новостей!»

В то же время начальника отряда вызвали в штаб дружины и вручили запечатанный пакет. В приказе были перечислены ребята, которые поедут в Гори. Начальником экспедиции назначили Наташу Бирюкову.

«Время путешествия: 10/II—10/III 1946 г.» — так заканчивался приказ.

Можно себе представить, как взволновались ребята!

Завтра выезжать! А ведь надо хорошенько подготовиться к продолжительному и дальнему путешествию: привести в порядок одежду, запастись продуктами... Да и у каждого нашлись дела — сдать книги в библиотеку, закончить какое-нибудь общественное поручение. А как быть с учебой?.. Придется пропустить целый месяц... Как быть с родителями? А вдруг не разрешат?.. Это самое страшное! Невозможно томиться неизвестностью до вечера. И ребята один за другим бегут к телефону.

— Мама! У нас экспедиция... ты отпустишь?.. Нет, сначала скажи, что отпустишь, а потом я скажу — куда... Мама, это обязательно, это приказ дружины!

Так волновались счастливцы. А остальные ребята осаждали в это время штаб дружины:

— Примите и меня! Я не отстану в учебе! У меня — пятерки!

* * *

Наташа назначила сбор в шесть часов вечера, но ребята собрались к пяти.

— Собрание начнем, когда придет Любовь Андреевна... Ведь это Дворец пионеров организовал экспедицию,— отвечала Наташа нетерпеливым «путешественникам».

Наконец, Любовь Андреевна пришла. Но не так легко было попасть в пионерскую комнату. Множество ребят окружило ее в коридоре:

— Почему мы не едем? Мы тоже хотим в Гори! Пусть возьмут и нас,— просили они.— Они, правда, поедут?

Собрание началось. Зачитали приказ по отряду. Торжественно приняла командование начальник экспедиции Наташа.

Назначили корреспондента, который будет писать письма в школу и Дворец. Двоим поручили вести дневник.

Дневник — дело не простое. В нем придется описать исторические места и события, природу Кавказа, рассказать, что видели и слышали ребята и какие приключения были в пути. К дневнику надо приложить фотоснимки, свои рисунки и наброски.

Ребят разбили на группы. Каждая получила задание: вы будете работать над темой «Детство товарища Сталина», вы — «Учеба в духовной семинарии», а вы — «Революционная деятельность товарища Сталина на Кавказе». Члены экспедиции должны были подготовить выступление, — путешествие закончится сбором в Дворце пионеров.

Ребята ждали обычных слов: «У кого есть вопросы?», но их не последовало. Поднялась с места Любовь Андреевна и сказала:

— Дорогие ребята! Ваше путешествие — путешествие необычное...

Она помолчала.

— Вы совершите его, не выезжая из Свердловска.

— Как? — закричали ребята.— Что это значит? Почему?

— Вы будете путешествовать по книгам, просмотрите кинокартины, спектакли, которые познакомят вас с Кавказом.

— Ох! — в полном разочаровании вздохнул кто-то.

— Ребята, это будет очень интересно! Такое путешествие может быть даже труднее настоящего. Ведь надо будет на сборе рассказать о Грузии так, как будто сами видели все это, рассказать о приклю-

чениях, которых не было. Приключения надо придумать такие, которые соответствовали бы условиям современной жизни, климату, местности.

— Что же! — воодушевился Юра.— Так и сделаем! Ведь Жюль Верн не был в тех странах, о каких писал свои книги, а вон как он их описал!

Игра в путешествие началась.

Решили «выехать» вечером десятого, поездом № 45. Аркаша «купит билеты». Элла проверит хозяйство экспедиции: продукты, одежду, обувь.

Отыскали по карте путь в Гори, отметили его красными флажками.

— Звено, стройся! — скомандовала Наташа.

И звено с песней о «веселом ветре» тронулось «в поход».

* * *

Ребята всерьез увлеклись игрой.

Почти каждый день звено появлялось в Дворце. В пионерской комнате для них была подобрана библиотека. Они рылись в справочниках и журналах. Листали альбомы с видами Кавказа. С ребятами работали консультанты.

Звено просмотрело балет «Гаяне», прослушало оперу «Демон». Усердно разучивали стихи и песни о Сталине, подготовили литмонтаж.

Добросовестно вели «дневник». Не забывали посылать «письма с дороги».

Не обошлось и без забавных случаев.

Например, в одном письме ребята сообщили, что они проехали Пензу и теперь находятся в Балашове. «Теперь мы в зоне черноземных степей. До Балашова ехали по открытой местности. Вокруг, насколько хватает глаз, расстилается безлесная равнина. Вокруг нас золотое, волнующееся море пшеницы...»

— «Золотое море пшеницы» — в феврале... интересно, не правда ли?

Но, пожалуй, только одна такая «опечатка» и нашлась в их письмах. Серьезно, вдумчиво работало звено. Перед нами альбомы — результат этих работ.

На плотной обложке фотокопия картины «Товарищ Сталин в юные годы» и заголовок: «Детские годы товарища Сталина». В альбоме вырезки из журналов: план Гори, на котором отмечены домик, где родился наш вождь, здание училища. Дальше портрет «Сосо Джугашвили». Ребята написали обстоятельный рассказ о родителях Иосифа Виссарионовича, его младенческих годах и о том, как он учился азбуке.

Любовно украшен рисунками второй альбом: «Годы учения товарища Сталина». Страницы исписаны четким красивым почерком.

Третий альбом: «Годы революционной деятельности» — не уступает двум первым. Он украшен рисунками и фотокопиями. Вы увидите здесь и нелегальное собрание на Ходжеванском кладбище и беседу товарища Сталина с карталинскими крестьянами.

Всего больше рисунков в четвертом альбоме: «Преследование товарища Сталина царским правительством». К сожалению, здесь очень мало написали сами ребята. Они больше поместили вырезок из журналов.

Все эти работы сделаны любовно и тщательно.

* * *

Месяц пролетел. Наступило десятое марта — день «приезда» наших туристов. В Дворце пионеров сошлись начальники звеньев Октябрьского района. В три часа сорок пять минут с музыкой направились в розовое фойе. Здесь стояли пальмы, туи, кипарисы. На полу был пестрый ковер. Посредине пылал костер, но без треска и дыма. Вместо пламени колыхались желтые и красные пучки прозрачных бумажных лент, освещенных снизу. По потолку и стенам скользили отблески, и движение это походило на речную рябь.

Гости уселись вокруг костра, и начальник дружины сказал:

— Наш костер посвящен встрече туристов, побывавших в Гори. Сейчас они расскажут о своей поездке и о том, как они изучали материал о жизни товарища Сталина. Слово предоставляется начальнику экспедиции — Наташе Бирюковой.

Но Наташа не отозвалась. Ребята с недоумением переглянулись: никого из участников экспедиции здесь не оказалось.

— Ребята,— сказала Любовь Андреевна.— Я не знаю, почему наши туристы запоздали. Четыре дня тому назад я получила письма. Там ясно было сказано, что они приедут в Дворец пионеров десятого марта в четыре часа дня. Вот уже пять минут пятого, а их нет... Что решим, друзья?

Все молчали.

— Может быть, перенести встречу на другой день? — предложила Любовь Андреевна.

— Подождем еще,— неуверенно сказал кто-то.

В это время в дверь постучали. Вошел человек в форме почтальона. Он спросил, здесь ли Любовь Андреевна, и вручил ей телеграмму. Она расписалась в получении, и почтальон ушел.

— Ребята! Телеграмма от наших туристов! — сказала Любовь Андреевна.— Слушайте!.. «Непогода. Будем Свердловске четыре двадцать пять».

Ребята повеселели. Кто-то предложил:

— Давайте споем или поиграем,— время быстрее пройдет!

И затеяли игру: «Продолжай-выдумывай».

К слову сказать, это очень интересная игра. Один начинает рассказ, а другой должен продолжить, третий придумывает, что было потом... Все увлеклись и забыли о времени.

Вдруг раздался голос репродуктора:

— Внимание! Внимание! Турэкспедиция прибыла. Через три минуты путешественники будут в розовом фойе. Все в порядке. Не волнуйтесь!

Это было так неожиданно и так убедительно, что ребята повскакали с мест и бросились к окнам. Даже те, которые знали, что «туристы» все это время были в Свердловске, поддались общему настроению.

Издалека послышался горн... дробь барабана... знакомая песня «Крутыми тропинками в горы».

Песня ближе и ближе.

Вот распахнулись двери. Туристы в белоснежных рубашках, в ярко-красных галстуках, в беретах, в синих шароварах, с рюкзаками за плечами — стоят в кругу друзей. У каждого из них в руках альбом, дневник, ноты... А Наташа принесла живую черепаху.

Опустив черепаху на ковер, Наташа четко отрапортовала:

— Турэкспедиция по маршруту Свердловск — Гори прибыла. Все здоровы. Рапорт сдан!

— Рапорт принят,— ответил начальник дружины.— Вольно!

— Вольно! — повторила команду Наташа.

«Путешественники» уселись на ковер, и началась беседа.

Любовь Андреевна рассказала о Грузии, о чудесном крае, который раскинулся от Черного моря до Азербайджанских степей, о развитии хозяйства и культуры Грузинской республики.

Потом выступили «туристы».

О путешествии и о далеком Гори и о домике, где родился Иосиф Виссарионович, они рассказали так, будто сами видели улицы Гори, и миндальные деревья, и виноградники... будто взбирались на горные кручи и слушали быстрый говор рек.

Ребята рассказывали, а в это время перед собравшимися проходили световые картины.

Потом выступил Осман Садыкович Юсупов. Он посоветовал и в школах проводить такие «походы».

И, судя по лицам гостей, видно было, что они непрочь повторить такую игру.

— А теперь я расскажу вам народную сказку о Кавказе,— начала сказочница Дворца. — Жил-был...

В зале тишина. Только льется плавная речь сказочницы. Пестрые картины встают перед юными слушателями.

Сбор закончился любимой песней пионеров:

На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде...

ЕЛКА

Много бывает в Дворце пионеров веселых праздников, вечеров, концертов, балов... Много ярких впечатлений оставляют они у школьников. Но особенно памятны детям Свердловска сказочные елки. Да как же их забудешь, когда там столько чудес! Заходишь в Дворец, а попадаешь в лес дремучий, буран такой, что, того и гляди, глаза снегом залепит. И вдруг на пути избушка на курьих ножках. Сказали ей слово — она прямо к ребятам повернулась. А разговаривающая голова! А баба-яга костяная нога! Даже страшновато немного. А тут еще медведь на самой дороге стоит, большой, бурый... Только он вместо того, чтобы броситься, взмахнул красным фонариком и показал, куда итти. Добрый мишка и совсем даже не страшный.

Больше 50 тысяч ребят ежегодно бывает на елках в Дворце пионеров, и все они уходят оттуда, унося, кроме пакетов с подарками, самые незабываемые впечатления о чудесном новогоднем празднике возле пушистой, пахнущей смолою елки.

Эти воспоминания остаются на долгие-долгие годы...

Особенно запомнилась ребятам елка, устроенная по сказам Павла Петровича Бажова. Все было так интересно придумано, все было так необычно. Даже пригласительные билеты не такие, как всегда, а особенные,— затейные. Возьмешь билет в руки, прочитаешь надпись:

С Новым годом поздравляем,
Быть отличником желаем!

Откроешь билет с одной стороны — увидишь приглашение на елку, а с другой стороны откроешь — увидишь елку во всем блеске, и деда

Мороза и зверей, весело пляшущих вокруг елки. С таким билетом даже расставаться жалко; недаром многие ребята эти билетики на память оставили. А приглашение было написано так:

«Медной горы хозяйка приглашает тебя на елку».

Как только гости входили в Дворец, их встречали затейники. Они спрашивали, знают ли гости сказы знаменитого уральского писателя. Еще бы! Конечно, знают. Книгу «Малахитовая шкатулка» все читали.

Потом затейники повторяли гостям, что их пригласила на елку сама Медной горы хозяйка, и вели в зал. И вот здесь-то происходило самое интересное. Ребята входили в обычный зал, и вдруг зажигались яркие огни, все начинало сверкать и гореть. Это было богатое царство Медной горы хозяйки. А вот и сама она стоит, красивая, гордая, наряд у нее камнями-самоцветами сверкает. Приветливо улыбнулась она своим гостям, громко хлопнула в ладоши и крикнула:

— Дед Мороз! Снегурочка! Веселите-ка ребят, да получше!

Что тут поднялось! Дед Мороз, Снегурочка, снежинки и дети,— весело закружились вокруг елки.

А елка смотрела на ребят, пушистая, нарядная, сияющая огнями.

Сияет елка яркая
Игрушками, подарками.
Сияет елка яркая,
Горят на ней огни.

И такое тут началось веселье! Смех, шутки, песни. Сам дед Мороз чуть в пляс не пустился. А ребята так плясали, что жарко стало.

Закружились хороводом,
Закричали мы: — ура!
С новым годом!
С новым годом!
С новым годом, детвора!
Огоньки цветные ярче
Средь густых ветвей горят.
С новым годом,
С новым счастьем
Поздравляем всех ребят!

МАЛЕНЬКИЕ ПЕВЦЫ

Когда мальчик, который вел программу концерта, объявил следующий номер, в зале раздались громкие аплодисменты.

— Хор малышей! Хор малышей! — послышалось в разных концах зала.

Занавес поднялся. На ярко освещенной сцене красивой группой расположились одинаково одетые дети.

Так, значит, это их и встречали такими горячими аплодисментами?

Да, этих маленьких певцов всегда очень хорошо встречают. И они вполне этого заслуживают.

Хористы стояли на сцене в полной готовности. Все они были одеты в одинаковые белые платья с красными горошками, на ногах белые носочки и тапочки, в волосах — красные бантики. Они такие веселые, дружные, что на них приятно смотреть.

Послышалась музыка, и дети запели. Пели они хорошо и дружно, а дирижировала хором маленькая девочка Лиля. Но ее слушают так же хорошо, как руководительницу. Оказывается, все ребята из хора умеют сами дирижировать.

Хорошо поет хор. Любо послушать. Вот спели они «Пионерский марш», и песню «Четверка дружная ребят идет по мостовой», и «Колыбельную» Моцарта, и «В нашем классе нет лентяев», и про киску, которую обидел повар, а публика никак их не отпускает — все громко хлопают и просят еще спеть.

Почему же так понравился публике хор малышей? Потому, что дети хорошо и выразительно поют. Они не просто поют мелодию и выгова-

ривают слова песни, а выражают все, о чем в ней говорится, своей песней они как будто рассказывают.

Когда они поют про бедную муху, которая грустит у окошка, у них такие грустные лица, что всем становится жалко бедную муху, а когда они поют веселую песенку, всем становится весело. Они понимают то, что исполняют, а потому умеют хорошо передать другим.

Грустную песню поют,— все грустят, веселую запоют,— все веселятся.

* * *

Хор малышей работает уже давно — почти с того времени, как открылся Дворец пионеров,— десять лет. Может, кто-нибудь не поверит этому и скажет:

— Как же так? За это время малыши должны были вырасти и даже окончить десятый класс. Нечего сказать, хороши малыши!

Но мы сейчас объясним. Дело в том, что за это время состав хора несколько раз менялся. Поступят ребята из первого класса, позанимаются 2—3 года, вырастут и переходят или в хор старших школьников или идут в музыкальные школы, а в хор принимают новых малышей. Но уходят не все: некоторые девочки остаются в хоре и помогают руководительнице заниматься с новенькими. Старшие ребята, шутя, называют их «ассистентами». Работы у них много: они отвечают за костюмы, одевают малышей, уводят их со сцены, приводят из разных школ, во время перерыва организуют с ними игры... Но в то же время они и в хоре продолжают петь. Каждая из девочек ведет в хоре самую трудную партию. И сами поют и другим помогают.

Но ведь в хоре ребята маленькие, и трудно им было бы на занятиях все петь и петь. Поэтому руководительница, занимаясь с ними, разнообразит работу: сначала попоют, потом поиграют, потом музыку послушают или сказку. А после занятий дети вместе ходят в кино или на концерт, а летом в парк Дворца, кататься на лодках. Весело и дружно живут ребята... Никто из них не пропускает занятий, не нарушает дисциплину, потому что каждый знает: работа прежде всего, и дисциплину нарушать нельзя. Малыши на этот счет народ строгий, нарушений не допускают. И поэтому добиваются в своей работе хороших результатов: поют они дружно, выразительно, слова песни произносят четко и понятно.

В хоре малышей есть свои обычаи. Очень хорошие обычаи!

Вот, например, каждый из ребят, когда подрастет, приводит себе «смену»— младшего братишку или сестренку. Так уж заведено. Мно-

гие из старших хористов когда-то были приведены сюда в качестве младших.

Второй хороший обычай у ребят — это переносить разученные в Дворце песни в школы. На школьных утренниках часто можно услышать эти песни. Иногда хористы хора становятся дирижерами в своих школах и руководят хором.

Хор малышей часто выступает по радио, на различных концертах, елках, утренниках и всегда встречает самый теплый прием со стороны слушателей. Приветливо принимают маленьких певцов. Но нужно сказать, что они тоже народ хитрый и знают, как лучше выступить. Ведь бывает, что человек прекрасно знает стихотворение или песню, а когда выйдет на сцену — начнет волноваться и все забудет. Выступать нужно спокойно, не торопясь, не волнуясь. Поэтому в хоре малышей есть еще такой обычай: перед концертом все чинно сидят на низеньких стульчиках и ждут, пока каждый человек получит свое платье, носочки, ленту. После этого, как оденутся, завяжут друг другу банты, покажутся руководительнице, все спокойно рассаживаются на свои места, и она проводит какую-нибудь игру или рассказывает интересную сказку. И когда приходит время выходить на сцену, ребята спокойны и помнят все, чему их учили.

Те ребята, которые уже поступили в музыкальные школы, не забывают свой хор и попрежнему часто приходят в Дворец.

Три года была дирижером в хоре Лиля. Теперь она отличница музыкальной школы, но вы часто можете ее встретить в Дворце, а Нина, хотя и учится в музыкальной десятилетке, все-таки продолжает петь в хоре. Это потому, что ребята любят свой кружок.

В СТАРОМ ПАРКЕ

Горячо печет жаркое июльское солнце. Асфальт в городе становится мягким как воск. Так и кажется, что ноги увязнут. Зато как хорошо в огромном тенистом парке. Ласково машут ветвями старые деревья. Приветливо журчит вода в фонтанах. Пионерский Дворец окружен чудесным парком с вековыми липами и елями. Это самый красивый парк в городе. Его украшают фонтаны, изящные павильоны, беседки, статуи.

Больше ста лет этому старому парку. Рядом с могучими деревьями подрастают молодые, крепкие и веселые деревца. Как-то трудно поверить, что этому парку так много лет и что когда-то здесь была совсем другая жизнь: по широким липовым аллеям лихо катались на тройках пья-

ные купцы, в ротонде[1] дико хохотали обезумевшие от вина гости... Все это очень трудно представить теперешним хозяевам парка — простым советским детям с красными галстуками на груди, которые бережно подстригают веточки на деревьях или хозяйской рукой широко распахивают перед гостями ворота, радушно приговаривая: — Пожалуйста! Пожалуйста!

Летом вся работа Дворца пионеров переносится в парк,— ближе к солнцу, воде, зелени. Ведь не все ребята и не на все лето уезжают из города, а потому парк — самое лучшее место для отдыха. Каждое утро, когда на траве еще сверкает крупная роса, в парке раздается веселая музыка. И к нему со всех сторон бегут загорелые ребята, тянутся группы малышей из детских садиков, бодро шагают под звуки барабанов пионерские отряды.

Какая в парке прохлада, зелень, простор! Как ласково смотрит на ребят летнее солнышко сквозь густые кроны деревьев. Так и манят, так и зовут усыпанные песком дорожки. Чего только нет в этом замечательном парке! И прохладный пруд, и водная станция, и большое спортивное поле, и площадки для малышей, и читальный зал, и лекторий, и база юных краеведов. А сколько здесь самых разнообразных игр, аттракционов!

Раздаются звуки «Спортивного марша». Это значит, что на спортивном поле начинается игра. Высоко в воздух взлетает упругий мяч. Ловко «принимает» его кто-то из ребят. Веселый говор и смех разносятся над полем. Быстро кружатся карусели, унося ввысь маленьких пассажиров. Мелькают радостные смеющиеся лица, цветные платья.

Со стороны бассейна доносится плеск воды и счастливый смех малышей. В восторге плещутся они в бассейне. Один мальчуган так спешил, что забыл даже снять носки и тапочки,— да так и залез в воду.

А другие малыши карабкаются на спину большого деревянного слона и потом, визжа от восторга, скатываются вниз. Они твердо уверены, что веселее этого занятия нет ничего на свете, и если старшие ребята играют в волейбол или шахматы, так это происходит только по недоразумению.

Это они, самые маленькие посетители парка, придя первый раз сюда весною, сразу замечали все «обновки» и кричали, как грачи, кружась возле любимого «мишки»:

---

[1] Ротонда — круглое здание под сводом, иногда на столбах.

— Его покрасили!

— Его покрасили!

Они ежедневно работают на своих опытных участках. Один участок огородных культур и второй — плодово-ягодный, на котором посажены яблони, груши, смородина, малина, клубника.

В парке занимается множество кружков, проводятся лекции, беседы, читки, встречи с знатными людьми, пионерские костры... Каждый из ребят находит здесь для себя любимое занятие. Недаром около пяти тысяч ребят посещали ежедневно парк.

Очень интересно проходили в парке дни, посвященные определенной теме. Вот, например, был проведен «День следопыта», организованный юннатами. Как раз в этот день вернулись из похода туристы, побывавшие в Ильменском заповеднике. Ребята весело встретили их. У костра завязалась дружеская беседа. Много интересного рассказывали туристы о своем походе, много показали ценных находок, образцов горных пород.

Игры, песни, радиопередачи — все, что проводилось в этот день в парке, было посвящено «Дню следопыта».

Посвящались дни другим темам, например: «Кто такие пионеры?». Обычно день кончался концертом или массовым гуляньем. А иногда в парк приезжают гости. Однажды приехали ребята с Уралмаша. В парке была проведена интересная игра. Она называлась «Охота на медведя». Все ребята, находившиеся в парке, принимали в ней участие.

Главные действующие лица игры — красная шапочка, заяц, рысь, петух, медведь и охотник — были одеты в соответствующие костюмы.

Занятная это была игра и очень понравилась ребятам.

Летом в парке особенно шумно и весело. Ребята часто повторяют хором:

Быстро время задорное мчится,
Нам нельзя ни минуты терять.
Мы умеем отлично учиться
И отлично умеем отдыхать.

Хорошо отдохнут ребята, загорят, окрепнут, чтобы зимой с новыми силами взяться за книги и учиться на пятерки.

С утра и до самого вечера звенят голоса в старом парке...

ЗАВЕТНАЯ СКАМЕЙКА

Двадцать пятого июня 1941 года собрались на прощальный вечер в ротонду Парка пионеров.

Не забудется эта тихая июньская ночь!

Воспитанники Дворца, окончившие десятилетку, комсомольцы Володя Засыпкин, Миша Гольдин, Ким Ефремов, Вадя Рольщиков пришли с повестками военкомата в кармане, а Юра Ярков должен был на другой день утром явиться на воинскую платформу.

Когда все собрались, Леонид Константинович сказал:

— Давайте, друзья, подведем итоги, чему мы научились в коллективе, что пригодится нам в борьбе за Родину!

Стали вспоминать прошлое. Разговоры были задушевные, потому что сердце раскрылось в этот прощальный вечер...

...Драматический коллектив был организован в 1937 году. Первая работа его — спектакль-импровизация. Кружковцы прочли в «Пионерской Правде» рассказ о шпионке, которая под видом простой старушки поселилась рядом с военным заводом... а ребята разоблачили ее и предотвратили взрыв, подготовленный диверсанткой. Рассказ понравился, и коллектив решил инсценировать его.

Над спектаклем работали горячо: определили количество действующих лиц, их характеры, внешность. Установили место действия, количество картин. Так мало-помалу появился сценарий. Твердого текста не было до самого конца. На каждой репетиции появлялось что-нибудь новое. Ребята творили сами... Основная мысль пьесы: — будь бдителен! — и они старались как можно яснее проявить эту мысль. Не такая уж беда, что спектакль получился незрелым. Ребята росли во время этой работы,— много думали, спорили и читали.

А с каким увлечением работали над пьесой «Малахитовая шкатулка»! Как трогательно прозвучала «Ирина Лотоцкая»! Даже взрослые зрители не могли удержаться от слез... И какой веселый, грациозный получился спектакль «Слуга двух господ»!

Дружно жил коллектив. Зазнайства не было, «премьерством» и не пахло. Сегодня ты играешь главную роль, а завтра, если понадобится, будешь выносить мебель и подавать подносы. Не было случая, чтоб коллектив не помог своему товарищу в беде.

Но ребята жили не только своими «артистическими» интересами. Всякий помнил, что учеба и общественная работа — его главные обязанности. Недаром девять кружковцев в своих школах были секретарями комсомольских организаций.

Обо всем этом вспоминали на прощальном вечере.

— Уродов в нашей семье до сих пор не было,— сказал Леонид Константинович.— Я уверен, их не будет и впредь! Настало суровое время. И на фронте и в тылу мы должны быть стойкими и готовыми на любые жертвы. Пообещаем же быть именно такими.

Ребята обещали.

...Настало утро. Засверкала зелень, блеснул под солнцем пруд.

В парке на скамейке, тесно прижавшись друг к другу, сидели будущие фронтовики: Юра, Саша, Володя.

Вдруг кто-то из кружковцев предложил:

— Ребята, условимся каждый год двадцать пятого июня встречаться на этой скамейке! А после войны все встретимся здесь!

Так и решили. Пора было разойтись, а расставаться не хотелось. Но вот Юре принесли вещи из дома. Юра встал. Прощай, Дворец!

Окружив Юру, друзья пошли на вокзал.

* * *

Двадцать пятого июня 1945 года на заветной скамейке ребята говорили о победах и об утратах. Теперь уже они знали о судьбе каждого кружковца, который ушел от них!..

Юра Ярков, талантливый исполнитель ролей Турчанинова и Сильвио, пал смертью храбрых.

Геройски погиб и Володя Засыпкин. Когда роту прижало к земле пулеметным огнем, он поднялся и крикнул: «За мной!» Рота пошла за ним... но тут Володя был сражен пулей.

Председатель совета коллектива Юра Бельтиков был танкистом. Его танк принял бой с семью немецкими «тиграми», успел поджечь три... Но в этом неравном бою погиб весь экипаж во главе с Юрой Бельтиковым.

Ким Ефремов погиб во время кавалерийского рейда по тылам противника. Вадя Рольщиков — в воздушном бою, а Саша Шпильберг пошел разминировать опасный участок и подорвался на последней мине.

Свято выполнили свой долг наши товарищи.

Отя Красавчиков остался жив. Он сражался в морской пехоте, потом плавал на подводной лодке. После войны побывал здесь, в Свердловске. Такой взрослый! И вся грудь в орденах.

Фрида и Саша — офицеры. Галя Верещагина — прожектористка, получила орден. Клара Окунева всю войну провела на фронте сестрой, имеет несколько орденов. А Лида Рычкова стала фрезеровщицей-тысячницей.

Немало сделали и те ребята, которым не пришлось сражаться на фронте и работать в цехах. Они дали около девятисот концертов, помогли отремонтировать Дворец, не отстали в учебе, не уронили чести драматического коллектива.

* * *

Сейчас, как и прежде, основа работы коллектива — самодеятельность.

Ребята учатся искусству театра, чтобы получить правильное представление о театральной работе.

Правда, на всех ответственных участках стоят взрослые опытные люди, — режиссер, художник-постановщик, машинист сцены, костюмерный мастер и гример,— но под их руководством все работы выполняют кружковцы. Они строят и расписывают декорации, изобретательно и умело делают из папье-маше кушанья, посуду, оружие. Работая над спектаклем, знакомятся по книгам с эпохой, с местом действия, изучают альбомы истории материальной культуры.

Монтируют спектакль тоже сами ребята. И ведут спектакль они же.

Есть в коллективе несколько бригад: поделочная, костюмерная, шумовая, постановочная. Есть помощники режиссера (помрежи, главный реквизитор). Коллективом управляет совет: председатель, секретарь и помрежи.

Во время выбора особенно придирчиво обсуждают кандидатуру помрежа: а какова его загрузка в школе? есть ли у него организаторские способности? знает ли он дело?

Вдумчиво готовятся ребята к спектаклю. А после спектакля собираются, обсуждают, как он прошел, что было плохо и что хорошо.

* *
*

Драматический коллектив Дворца пионеров работает десять лет.

За это время ребята поставили много спектаклей. Ежегодно они проводят сценарий новогодней елки.

За десять лет в кружке обучилось 736 человек.

Не думайте, что все эти люди пошли потом на сцену. Занимаясь в кружке, ребята знакомятся с театральным делом, проверяют свои способности.

Но где бы ни были наши бывшие кружковцы и чем бы они ни занимались,— двадцать пятого июня каждый из них вспоминает любимый коллектив. Его неудержимо тянет в парк, на заветную скамейку... И он берет перо в руки, чтобы послать задушевный привет родному Дворцу!

ДОРОГА В ЖИЗНЬ

В географическом кабинете «Глобуса» висит большой плакат. Под крупной надписью: «Я буду географом» изображено мощное ветвистое дерево. Сильные ветви расходятся во все стороны.

Под деревом стоит юноша, повидимому, ученик старших классов школы. Он глядит в раздумьи, как бы решая, какую ветвь этого дерева выбрать?.. У каждой ветви свое название: «океанография», «гидрометеорология», «зоогеография», «картография», «антропогеография», «экономгеография», «страноведение», «методика преподавания географии»... и много еще других названий.

Прочтем вступительный текст, и нам будет понятнее смысл этого плаката:

«Ровной синевой залито все небо... Теплынь... июнь... Вы только что сдали последние экзамены и получили аттестат зрелости. Попрощавшись, вы сходите со школьного крыльца. Ветер дует вам в лицо,— широкая перед вами дорога в жизнь! Великая стройка сталинской эпохи открывает перед вами неограниченные возможности для плодотворной работы на благо Родины. Подумайте, как много потребуется нашей стране — школам, институтам, музеям, фабрикам — знающих людей.

Вы решили посвятить все ваши способности, знания и жизнь географической науке. Рассмотрите повнимательнее таблицу. Какие разнообразные области деятельности может вам дать география, основы которой закладываются еще в школе! Школа снаряжает человека в дальний путь — в жизнь! Она вам дает самое необходимое — знания. Готовьтесь в дальнюю дорогу, в прекрасную удивительную жизнь! За-

9*

хватывайте с собой как можно больше. Ничего не роняйте из своего школьного багажа... Учитесь — это самое главное сейчас в вашей жизни»...

Вот какое замечательное «древо знания» изображено на плакате.

И когда Осман Садыкович Юсупов беседует со старшими кружковцами о выборе профессии, он всегда просит их повнимательнее рассмотреть плакат. Переходя от ветви к ветви, от ствола к корням, он рассказывает, какую роль играет наука география и ее отрасли в жизни нашей страны.

Беседы о выборе профессии бывают не только у юных географов. Эти разговоры ведутся в любом кружке. Ведь Дворец пионеров создан не только для того, чтобы заполнить досуг детей полезными делами и веселыми развлечениями. Здесь детям помогают выбрать будущую профессию.

Ребята записываются в тот кружок, в работе которого им хочется участвовать. Ты любишь рисовать,— здесь есть кружок изобразительных искусств. Тянет тебя к литературе — иди в литературный. Любишь конструировать — есть кружок юных конструкторов. Ты страстно любишь уральские камни, бредишь открытиями месторождений, или ты увлекаешься биологией — «Глобус» примет тебя в свой дружный круг. А серьезно поработав в кружке, ты окончательно убедишься, по душе ли тебе избранное дело, и по силам ли тебе оно будет. Вот и легче станет выбирать профессию.

Конечно, бывают и ошибки. Тянет человека в драмколлектив, он любит театр, и кажется ему, что у него талант... А на поверку выйдет, что таланта у него нет. Что же, тогда он постарается выбрать то дело, какое ему больше подходит.

В кружках Дворца проверяются и склонности и способности детей.

Чаще всего ребята из школы идут в то учебное заведение, куда они «готовились», будучи в кружке.

Члены литкружка, Луиза и Сана, учатся на литературном факультете университета. Наташа на факультете критики литературного института. Лена и Аля хотят стать журналистами, а Ира — театральным критиком.

«Слесарь ЮМ'а — Рем теперь мастер сборочного цеха на заводе.

Авиамоделисты Виктор и Леонид учатся в Московском институте авиации. Штурман Юрий Категов, погибший на боевом посту, Юра Демин, Герман Рыжков, погибшие геройски вместе с самолетом,— тоже воспитанники нашего кружка. Юный планерист Ваня стал летчиком...

Наши «химики» идут обычно на химические факультеты вузов, «географы», «историки», «геологи» тоже чаще всего продолжают изучение избранных ими наук.

В театральных училищах обучается тридцать семь наших бывших драмкружковцев. Студию драматического театра окончило четыре человека. Они работают на сцене. Один — в Московском Малом театре. В Свердловском театральном институте обучается восемь человек, в киностудии — четверо. В Ленинградском институте — четверо. Воспитанники балетного кружка — Вадим и Лида работают на сцене. Они артисты балета.

Спросите любого из всех этих летчиков, артистов, студентов, и каждый скажет вам, что это коллектив Дворца пионеров развил их способности, приучил к трудолюбию, внушил серьезное отношение к делу.

...И вот опять 25 июня состоялась традиционная встреча на скамейке. Кроме «молодого поколения» школьников, сошлись в парк «старики»: студенты и артисты, хотя у одних эти дни были загружены подготовкой к экзаменам, а у других вечер был занят в театрах. И право, «старики» проявили больше энтузиазма, да оно и понятно: они годами сживались с коллективом. Действительно, это была встреча друзей: град вопросов и ответов так и сыпался вначале.

Руководитель пригласил всех в малый зал Дворца.

— Десять лет назад здесь, в малом зале, возник наш кружок... вот почему я и увел вас из парка сюда... Да... Много воды утекло за эти десять лет. Давайте подытожим, что дала нам совместная работа в коллективе. Во-первых, коллектив воспитал у каждого любовь к делу...

— Воспитал чувство долга!..— подсказала черноволосая девушка.

— И умение работать в коллективе,— дополнил юноша с тонким лицом.

— Не просто работать, а творчески! — нетерпеливо подсказала та же девушка.

— Дал путевку в жизнь! — громко воскликнул человек в военной гимнастерке.

Так высказывались «старики», а «молодежь» глядела во все глаза на своих гостей...

Леонид Константинович сказал:

— Молодое поколение готовит новую советскую пьесу... А вы что могли бы показать «старики»? — спросил он.— Предлагайте. Я вас не спрашиваю, согласны ли. Конечно, вы согласны.

Что тут поднялось! Все так и загорелись.

— «Дуэнью» Шеридана.

— Первую картину из «Малахитовой шкатулки».

— Третью! Третью! Там много занято! Каждому хочется...

— Из «Двадцать лет спустя»!

— Ой, давайте!

— Вторую картину!

— Ой, вторую! Ой, вторую! или третью из «Малахитовой»...

— Ну, придется об этом поговорить в другой раз, обдумав... так мы не договоримся,— сказал Леонид Константинович.— А сейчас у меня другое предложение. «Старики», покажите молодым, чему вы научились... А? Кто что умеет...

Все стихло.

— Без грима... без декораций? — спросил кто-то.

— В сукнах,— настойчиво сказал руководитель.— Ну! в порядке дисциплины.

Надо было видеть в эту минуту «стариков». Горящие от волнения лица серьезны, брови сдвинуты... торопливо каждый перебирает в памяти любимые роли, любимые отрывки. Советуются друг с другом, а уже творческое волнение овладевает каждым.

— Ляля и Люся, сцену из «Русских людей»? А? — подсказывает Леонид Константинович.

Какой это был концерт! С огнем, с душой играли молодые артисты!

После сцены из пьесы «Русские люди» дали отрывок из романа Некрасова «Сталинград». Потом читали отрывок из романа Шолохова «Они сражались за родину», стихи Симонова.

А потом воодушевленные и переполненные радостным чувством чистой дружбы, все закричали:

— Нашу песню! Нашу песню!..

Слова были знакомые, слегка измененные. Она возникла в момент прощания в ротонде. В тот вечер некогда было сочинять новые слова и искать новый мотив. Взяли известную, наскоро приспособили ее. И овеянная такими воспоминаниями, она стала бесконечно дорога им.

С увлечением пели юноши и девушки. И с особенным выражением они выговаривали слова припева:

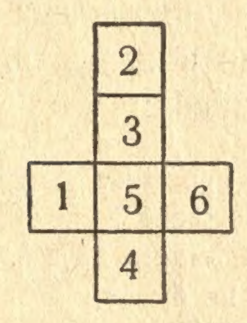
Давай на прощанье
Дадим обещанье
Навеки запомнить друзей.
И где мы ни будем,
Нигде не забудем
Сиянья дворцовских огней.

* * *

Никогда не забудут юноши и девушки родной Дворец, где они научились мыслить, чувствовать и делать полезное дело! И сколько раз в жизни тысячи бывших питомцев скажут сердечно:

— Спасибо партии и правительству! Спасибо за этот прекрасный Дворец, где мы впервые познали радость творческого труда!

ТАИНСТВЕННЫЕ КУБИКИ

На столе 4 деревянных небольших кубика (число их может быть и больше). Попросите кого-либо в вашем отсутствии наложить кубики один на другой столбиком в любых положениях. Вернувшись, вы с одного взгляда определяете, чему равна сумма всех цифр на закрытых гранях четырех кубиков.

Разгадка кроется в порядке расположения чисел на гранях каждого кубика: они расположены так, что сумма чисел, обозначенных на **противоположных гранях куба,** во всех случаях равна 7. Поэтому сумма чисел на верхних и нижних гранях четырех кубиков, сложенных в столбики, равна $7 \times 4 = 28$. Отняв от 28 то число, которое написано на верхней грани верхнего куба, можно безошибочно определить сумму чисел на семи закрытых гранях столбика.

МАТЕМАТИКА И ДОМИНО

Пусть кто-либо спрячет в карман какую-нибудь костяшку домино. Предположим для примера, что у него — 6/3. Вы беретесь отгадать, какая это костяшка, и просите удвоить одно из этих чисел (например, 6).

$$6 \times 2 = 12.$$

К удвоенному числу велите прибавить 7:

$$12+7=19.$$

Полученное число умножить на 5:

$$19\times5=95.$$

К тому, что получилось, играющий должен прибавить другое число очков домино (т. е. 3):

$$95+3=98.$$

Этот окончательный результат он вам называет, а вы отнимаете в уме 35 и узнаете, какая костяшка была взята:

98—35=63, т. е. костяшка 6/3.

Почему так получается и почему надо всегда отнимать 35?

Первое число сначала умножили на 2, прибавили к нему 7, полученное число умножили на 5, иначе говоря прибавили $7\times5=35$. Следовательно, если от результата отнять 35, то останется столько десятков, сколько очков в одной половине костяшки. Прибавление очков второй половины дает вторую цифру результата.

Поэтому цифры результата дают сразу числа очков.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Л. Чумакова*

Подписано в печать 6/V 1949 г. Печ. л. $7^3/_4$. Уч.-изд. л. 7,5. НС 00385.
Формат $70 \times 92/_{16}$. Тираж 30000. Заказ № 60. Цена 3 р. 75 к.

5-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Свердловск, ул. Ленина, 47.

3 р. 75 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949